

Влада Ольховская

Победитель конкурса
«Со слов очевидцев 2024»

Лучший
шпионский
детектив

Литрес

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

ПРИЗРАК ТИЛАЦИНА

Влада Ольховская
Призрак Тилацина
Серия «Знак Близнецов», книга 9

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69510139

Аннотация

Страшная находка на выставке современного искусства превращает дело об исчезновении человека в дело об убийстве. Расследовать его, запутанное и необъяснимо противоречивое, не берется никто. Сандра Моррис, впервые за несколько лет вернувшаяся в Австралию, соглашается лишь стать консультантом. Но череда кровавых событий может сделать схватку с неуловимым преступником неизбежной – и надеяться на помощь Яна на этот раз не приходится, ведь он остался далеко за океаном.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	32
Глава 3	59
Глава 4	81
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Влада Ольховская

Призрак тилацина

Знак Близнецов

Книга 9

Тилацин, также известный как тасманийский волк или тасманийский тигр, был когда-то грозным хищником, охотившимся в Австралии, Новой Гвинее и Тасмании. После того, как на континент и острова пришли люди, началось вымирание тилацинов, и к 30-м годам XX века вид исчез окончательно. Но слухи о том, что тасманийские волки выжили где-то на бескрайних просторах Австралии, ходят до сих пор. В последние годы десятки человек заявили, что видели живых тилацинов, хотя доказательств никто предъявить не смог. Остается непонятным, в чем природа таких свидетельств – в настоящей встрече с легендарными хищниками или в наивной надежде на то, что осколки прошлого, утерянного навсегда, еще можно вернуть.

Пролог

Настя вошла в зал, полный мертвецов. Мертвецы были жуткими и немного забавными. Они играли, пели и танцевали, в них не чувствовалось того абсолютного горя, которого, пожалуй, следовало ожидать от тех, кто уже пересек финальную черту. Они словно рады были выступить перед немногочисленной публикой, бродившей между эффектно подсвеченными экспонатами.

Готовясь к визиту на эту выставку, Настя ожидала не такого. Она никогда не считала смерть священным таинством – Настя и слов-то таких обычно не использовала. Просто ей казалось, что делать статуи из настоящих трупов – это как-то... странно. Вроде как ненормально. Разве нет?..

Но оказалось, что не всегда и не везде. Выставку «Элементы Земли», превращавшую мертвые человеческие тела в произведения искусства, запретили во многих странах. Настя подозревала, что, даже если бы власти дали позволение, жители этих стран разгромили бы зал и предали мертвецов земле. Варвары, что с них взять?

Зато в других странах, куда более цивилизованных, выставку приняли с восторгом. Изначально пластинация заявлялась как научное направление, мертвые тела выставляли в образовательных целях. Создатели «Элементов Земли» стали чуть ли не первыми, кто открыто заявил: наука здесь ни

при чем, мы превращаем трупы в вечные произведения искусства, вы ведь понимаете, что это прекрасно?

Насте это прекрасным не казалось даже на уровне идеи, однако сказать о таком было стыдно. Разве цивилизованные люди не способны отбросить какой-то там примитивный страх перед смертью и все воспринимать спокойно? Настя хотела доказать своим новым знакомым, что она тоже очень даже прогрессивная и умеет мыслить свободно. Да, в ее родной стране эту выставку запретили. Но она, Настя, гораздо умнее соотечественников, она все поймет как надо!

– Это настоящий прогресс и умение возвыситься над собственными инстинктами, – вещал американец, сопровождавший Настю. – Страх смерти всегда был главным страхом, понимаешь? Он же породил вот то самое подсознательное отторжение всего, что связано с мертвыми телами. Но ведь трупы – это такой же материал, как дерево или камень! Почему нет, если все это было создано природой?

Настя то и дело кивала, соглашаясь. Говорить она старалась поменьше, чтобы ненароком не выдать себя. Все ее мысли сейчас были сосредоточены на попытке вспомнить, как же зовут ее спутника. То ли Кевин, то ли Стивен... Что-то очень американское. Он сам очень американский: высокий, загорелый, с крупным квадратным подбородком и белоснежной улыбкой. Такого хоть сейчас бери и помещай на плакат о том, как здорово жить в этой прекрасной стране. Ну а что смотреть на лишенные кожи трупы любит... так кто нынче

идеален?

Он был куда приятней, чем большинство мужчин, которые были рядом с Настей за последние три года, после того как все случилось... Его хотелось сохранить – за молодость, красоту и богатство. И угораздило же ее забыть имя! Пока выкручиваться было не так сложно, она просто звала своего спутника «милый» или «детка», американцы такое любят. Но рано или поздно он заподозрит неладное, если она не будет уверена в его имени. Настя твердо решила этой же ночью добыть его права и посмотреть, как все-таки нарекли это белозубое чудо родители.

Однако до ночи еще было далеко, пока она лишь ходила по полутемным залам и разглядывала навеки застывших мертвецов. Когда то ли Стивен, то ли Кевин сказал, что они будут смотреть на статуи из трупов, Настя сразу же представила лужи крови на полу, разлагающиеся ткани, жуткую вонь... Конечно же, реальность оказалась не такой пугающей. Тела, прошедшие пластинацию, больше напоминали манекены, чем настоящие трупы. Самым страшным оказалось то, что все они были выставлены без кожи, некоторые – в разрезе... И опять же, Настя видела в них скорее модели тел, а не сами тела. Они улыбались так беззаботно, у них были такие живые взгляды... Разве это возможно, если их коснулась настоящая смерть? Настя даже начинала подозревать, что организаторы выставки все-таки мошенники. Пользуясь интересом, который у многих вызывала пластинация,

они изготовили статуи из пластмассы, на каком-нибудь 3D-принтере напечатали, никто ведь не проверит!

– Я считаю, что такие экспозиции помогают нам отбросить примитивное ханжество, – рассуждал Настин спутник, рассматривая пару мертвецов, прижавшихся друг к другу. Глаза американца при этом странно, непривычно блестели, однако Настя предпочла думать, что ей просто чудится из-за света ярких ламп. – Ведь человеческое тело прекрасно! Это куда лучше, чем колотить по камню, искусственно создавая то же самое... Обработать мрамор нынче любой дурак может – и любая машина! А здесь люди отдают должное людям... Смотри, у главного экспоната пусто, давай скорее, иначе опять набегут!

– Здесь есть главный экспонат? – спросила Настя, стараясь казаться заинтересованной. Она уже изрядно устала от вида обнаженных мышц, костей и слоев жира. Но говорить об этом было ни в коем случае нельзя, потому что тогда она рисковала лишиться статуса интеллектуалки, воспарившей над примитивными убеждениями.

– Конечно! «Матерь-Земля», помнишь, я говорил тебе!

– Ах да... Я помню.

Она действительно помнила – и очень надеялась, что к этому экспонату они не пробьются из-за толпы желающих разглядеть его вблизи. То ли Стивен, то ли Кевин упоминал, что такое возможно. Он предупреждал об этом Настю, чтобы она не расстроилась, а она лишь тихо порадовалась.

Да, тела оказались не страшными и как будто пластиковые. Но всему же есть предел! В статье о выставке, которая обещала примирить человека с природой, главным экспонатом была заявлена статуя беременной женщины. Конечно же, лишенной кожи – почему-то считалось, что только это показывает красоту человеческого тела во всем великолепии. А может, кожа просто плохо переносила пластинацию, Настя не знала и не желала знать...

Она помнила, что все люди, чьи трупы были использованы для выставки, подписали когда-то добровольное согласие на такую участь. Но главный экспонат... Это же слишком! Сердцем выставки и символом легендарной Матери-Земли стала беременная женщина. Настя видела только небольшое рисованное изображение на афише, но и этого оказалось достаточно, чтобы по коже прошел неприятный холод, оставивший за собой след из мурашек.

Та женщина стояла гордо выпрямившись и расправив плечи, она смотрела вперед и обеими руками поддерживала массивный живот – явно на последних месяцах беременности. Только внутри у нее был уже не ребенок, такое не поняли бы даже в самых прогрессивных странах. В себе она носила причудливое переплетение цветов и трав, обозначавшее начало той самой природы, которая породила всю жизнь на Земле.

Считалось, что это прекрасно. Вот только Насте, которая сама в скором времени надеялась родить ребенка от то ли

Стивена, то ли Кевина, чтобы закрепиться в США, не хотелось на такое смотреть. А пришлось... Если американец сейчас сорвется, разочаруется в ней, ребенка точно не будет. Нужно терпеть... Не может это быть так уж страшно! Живот наверняка искусственный, та женщина вообще не была беременной, это все не по-настоящему.

Настя заставила себя улыбнуться, она взяла своего спутника под руку и уверенно прошла к площадке, на которой стояла «Матерь-Земля».

Эта статуя почему-то оказалась куда более правдоподобной, чем остальные. Может, потому что свет был выставлен безупречно? Сияние прожекторов позволяло рассмотреть мертвую женщину во всем потустороннем, наполняющем душу ужасом великолепии. Американец наблюдал то за ней, то за своей спутницей, желая убедиться, что Настя тоже наслаждается моментом. Поэтому Настя не могла отвернуться или закрыть глаза, приходилось смотреть на покойницу.

Взгляд скользнул сначала по ногам, стоящим на цветочной поляне, по тому самому животу, полному зелени, по груди, идеальной линии плеч, остановился на лице...

И вот тогда Настя закричала.

Этот крик, разрезавший, вспоровший изредка шелестевшую голосами тишину зала, многих заставил вздрогнуть, а американца будто и вовсе откинул в сторону. Настя этого даже не заметила. Ей было все равно, как смотрят на нее остальные, она забыла, кто она и где находится, зачем при-

шла сюда. Она просто не могла перестать кричать – крик вдруг показался ей единственной тонкой нитью, не позволяющей вечному мраку утащить ее из мира живых...

Американец попытался успокоить ее, отвести в сторону, он что-то говорил, но Настя не обращала на это внимания. Она смотрела только на мягко улыбавшееся ей лицо, лишенное кожи.

Потому что это лицо было ее собственным.

Глава 1

Осень и зима сплетались, сливались, образуя то странное время года, когда сезон угадать невозможно, нужно его просто пережить. С высоко поднятым воротником и низко опущенной головой, потому что ветер бьет прямо в лицо, а с неба обрушиваются потоки то снега, то дождя, то снега, переходящего в дождь. Пару раз случались и ледяные ливни, оставлявшие мир скованным прозрачным твердым коконом, прекрасным на фотографиях и убийственным в реальности. Рассвет скрывался где-то за плотной пеленой облаков, электрическое освещение или не выключалось совсем, или выключалось на час-другой, ну а потом за ярко горящими огнями снова подкрадывался вечер.

Межсезонье. Безвременье.

Обычно Яна Эйлера не слишком заботили все эти переполненные серостью, дождями и туманами дни. Он на них не обращал внимания, не было ни сил, ни желания смотреть в окно и вздыхать о том, что давно уже не было солнышка. Но сейчас от этой полутемной мешанины сырости и слякоти почему-то становилось хуже. Как будто Ян в какой-то момент упустил контроль над своей жизнью, и сложно было понять, что случилось на самом деле, а что ему приснилось.

Телефон Александры неизменно отвечал ему чужим безжизненным голосом, сообщавшим, что абонент временно

недоступен. Российский номер, на австралийский Ян и не звонил никогда. Знал, что на этом совершенно незнакомом номере ответ будет – но быстрый, виноватый, скорее раздражающий, чем успокаивающий. Нужно было ждать, а чего ждать – он и сам не знал.

Он даже не считал, сколько дней прошло с тех пор, как Александра улетела. Тогда эта новость была шоком, тем самым громом среди ясного неба... Все посмеиваются над метафорой, пока нечто подобное не случится с ними. И вот где-то наверху громыкает, инстинкты требуют бежать или сражаться – но бежать некуда, да и сражаться не с кем. Остаются лишь горечь и тупое бессилие перед тем, что от тебя совершенно не зависит.

Зато Александра, пожалуй, даже гордилась собой... Она сообщила об отъезде не из другой страны, как намеревалась изначально, а вечером – накануне раннего утреннего вылета. Говорила быстро, отводя взгляд. Объясняла что-то про дела, которые нужно уладить в Австралии, про карьеру, друзей, планы... Сказала слишком много, и это намеренно, чтобы среди слов скрыть главное. Но с Яном такой трюк не работал, он все равно заметил подвох.

– Так когда ты вернешься? – холодно спросил он.

– Я еще не знаю... Сложно сказать, сколько это займет, как там все пойдет...

– Но ты ведь вернешься?

– Я точно прилечу еще в Россию! – заверила его Алек-

сандра.

И оба они знали, что это не было ответом на его вопрос.

Ян оказался к такому не готов, он понятия не имел, что нужно делать, и решил не делать ничего. Он позволил сестре улететь – не удерживать же ее силой! Александра просто исчезла, превратилась в голос, звучащий редко, глухо и далеко. Вот тогда и наступило это безвременье: Яна не покидало ощущение, что сестра и вовсе не возвращалась к нему. Она все-таки умерла, а события последних лет – всего лишь иллюзия, слишком невероятная, чтобы оказаться правдой.

В семье к решению Александры отнеслись по-разному. Старший брат, конечно же, злился – потому что у Пашки злость была реакцией по умолчанию. Разозлиться удобней, злость хорошо обезболивает в любой ситуации. Павел сообщил всем, кто готов был его слушать, что чего-то подобного он давно уже ожидал, просто не говорил остальным, чтобы не расстраивать их. Вот только по его растерянному взгляду было понятно, что ничего он на самом деле не ожидал, не хотел и теперь понятия не имеет, что делать.

Нина восприняла эту новость спокойней – однако Нина в принципе стала спокойней. Она будто поборола внутренних демонов и в награду за это получила ту невозмутимость, о которой многие представители ее профессии только мечтают.

– Дай ей время, – посоветовала Нина.

– Ты говоришь это как сестра или как психолог?

– Все сразу. Саша много рассказала о том, что с ней случилось, из-за этого может возникнуть иллюзия, что мы все знаем и понимаем. Но понять такое до конца невозможно: услышать о насилии и пройти через него – не одно и то же.

– Я и не говорил, что одно и то же, – напомнил Ян.

– Но наверняка был уверен, что способен предсказать ее поведение. Она ищет пути справиться по-своему, и вряд ли она что-то скрывает от тебя. Она и сама не знает, что ей нужно.

– Все же нормально было!

– Все было на паузе, – возразила Нина. – Она оставила огромный кусок своей жизни на другом континенте. Сюда она приехала в гости – и как гостя непозволительно задержалась. То, что она делает теперь, однозначно показатель больших перемен. Ты на них пока повлиять не можешь, просто жди, к чему они приведут.

Ждать Ян как раз не любил, действие приносило куда больше уверенности. Однако сейчас он действовать попросту не мог, ему оставалось лишь отвлекаться. Хотя удача и тут оказалась не на его стороне: в работе наступило затишье. Среди дел, с которыми ему приходилось разбираться, большая часть была из очевидных – тех, где никого искать не нужно, достаточно оформить документы и передать дальше. Если же требовалось хоть немного напрячься, Ян сразу же вспоминал, что посоветоваться ему больше не с кем. Не то чтобы это было обязательно, он справлялся раньше и мог

справиться теперь. Однако вечное напоминание о том, что контроль над жизнью может ускользнуть в любой момент, сил не добавляло.

Сегодня день и вовсе выдался на удивление паршивый. С самого утра с неба сыпалось непонятно что, и на дорогах скопилась серовато-коричневая каша из снега, грязи и реагентов. Город пожирал время многочасовыми пробками. На работе пришлось сосредоточиться на бумагах, которые никто за Яна не заполнил бы. От сухого канцелярского языка мозг будто отключался, строки плыли перед глазами. Монотонная работа лишь усиливала желание сделать хоть что-нибудь, лишь бы повлиять на это тупое ожидание. На берегу реки можно ждать, когда мимо проплывет труп твоего врага – но в этой ситуации трупы Яну были не нужны.

Поэтому он дождался обеда и покинул кабинет. Ян намеревался сразу направиться к выходу, но у двери допросной ненадолго задержался, прислушался. Тонкая преграда слабо глушила вопли, доносившиеся изнутри. Не боли – злости. Кто-то раздраженно грозил всем, чем только можно, чуть ли не карами небесными, если кое-кто другой не начнет говорить...

Так обычно не делалось – за пределами американских фильмов, естественно. Ян нахмурился, пытаясь понять, кто тут комедию устроил. Он даже думал вмешаться, потом вспомнил, кто вопит внутри, и желание заходить в допросную сразу отпало.

Изобразить из себя крутого копа явно решил малолетка этот... Ян все время забывал его фамилию: то ли Костюченко, то ли Костючев, то ли Костючук, что-то в этом роде... Скорее всего, Костюченко. Кажется, даже Леонид. Новоиспеченного сотрудника перевели совсем недавно – и ни для кого не было секретом, что у мальчишки влиятельные родственники, которые уже распланировали его карьеру. Сам пацан тоже прекрасно знал об этом.

Обычно таких «звездных детей» пристраивали сразу на должности повыше да потеплее. Но семья Костюченко решила пойти нестандартным путем, хотя Ян прекрасно понимал, почему, да и все понимали. Малолетке предстояло прослужить несколько месяцев, получить повышение, а потом всю оставшуюся жизнь рассказывать, как он осознанно начал путь «с самого дна» и никогда не пользовался связями. Так что пацана терпели, как плохую погоду, и старались лишний раз с ним не пересекаться.

Не собирался делать этого и Ян. Ему достаточно было того, что вопит не задержанный, а сам Костюченко, значит, ничего особенного в допросной не происходит. У него были дела поважнее, чем роль няньки.

Через сумрачный город он направился к знакомому зданию на окраине. У Яна не было уверенности, что Андрей сейчас там... Но других вариантов просто не осталось. Из квартиры по соседству с Яном он съехал практически сразу после отлета Александры. А куда направился – непонятно:

когда эти двое стали жить вместе, свою квартиру Андрей то ли сдал, то ли продал, по старому адресу его уже не найти. Зато от собственной клиники он бы так просто не отказался, и Ян подозревал, что Андрей сейчас тоже сосредоточится на работе.

Не прогадал. Секретарь, прекрасно знавшая Яна, сообщила, что директор ветеринарной клиники у себя. Вот только докладывать Андрею о прибытии гостя она не спешила, вместо этого она, нервно поглядывая на дверь кабинета, жестом подозвала Яна поближе и тихо сказала:

– Вы ведь не по делу к нему? Не по работе?

– Странный вопрос, – заметил Ян. – Но да, вполне логично предположить, что лично мне ветеринар не нужен.

– Да нет, я не в том смысле, просто... У Андрея Викторовича не так уж много друзей, насколько я знаю, а вы тут уже бывали... И та история с покушением...

Секретарь явно не привыкла к сплетням, и чувствовалось, что ей не по себе от такого неожиданного и непрошенного обсуждения начальника, однако и промолчать она не могла. Яну пришлось поторопить ее:

– Есть причины для беспокойства? У него начались проблемы?

– Нет, если так посмотреть, все хорошо... Клиника процветает, расширяться будем, и Андрей Викторович снова стал лично проводить операции, к нему уже очередь...

– Тогда в чем дело?

– А живет он когда? – вздохнула секретарь. – Он тут до моего прихода – и остается, когда я уйду. Есть подозрение, что он и ночует здесь хотя бы иногда. Разве ж это нормально? Совсем недавно было не так... Мне кажется, у него что-то случилось, но с работой это точно не связано, иначе я бы знала. Вы не поэтому приехали?

– Я все это учту, – кивнул ей Ян. – А теперь сообщите Андрею Викторовичу, что я к нему не по записи.

Было подозрение, что Андрей вообще откажется с ним говорить, просто развернет еще на уровне секретаря и даже из кабинета не выглянет. Не самое адекватное поведение, но что ему терять?

Однако Андрей оказался умнее, и в кабинет Яна все-таки пригласили. Хозяин клиники кивнул ему, но из-за стола не поднялся, продолжая заполнять какой-то бланк. Андрей выглядел собранным, невозмутимым, отдохнувшим даже, и мало кто догадался бы, что в его жизни что-то пошло не так. Да и Ян уверен не был: домыслы секретаря – сомнительный источник информации.

И все же, когда Андрей оторвался от документов и посмотрел на гостя, было в его взгляде что-то тяжелое, не подходящее человеку, у которого в жизни все великолепно.

– Нет, не звонит, – равнодушно произнес он, не дожидаясь вопроса. – И не пишет. Ты ведь за этим пришел?

Ян кивнул:

– А ты ей?

– Нет и не собираюсь. Я ей все перед отлетом сказал.

– Да уж сколько времени прошло...

– Двенадцать дней.

– Разве? Мне кажется, больше...

– Двенадцать дней, – все так же спокойно повторил Андрей. – А сколько кажется – твое личное дело.

– И что, вот это... всё? У вас...

– Ты правда хочешь в это лезть? Говори, зачем пришел на самом деле. И для ясности – сразу исключим мое благополучие, которое тебя якобы дико беспокоило. Можешь даже пошутить про прыжки с крыши в любой удобной форме.

Лезть в это Яну действительно не хотелось, а хотелось развернуться и уйти. Он терпеть не мог такие разговоры, они погружали его в роль старой сплетницы – и роль эта его вообще не манила. Но сейчас отступить было нельзя.

– Вся та история с крышей меня не касается, – отрезал Ян. – Это между вами с Сашей. Я хочу узнать, почему ты не поехал за ней.

– Зачем тебе?

– Потому что от наших брата и сестры я чаще всего слышу «Она позовет, если будет нужно». Александра действительно будет справляться сама до последнего. Но если она все-таки позовет... Это ведь ни к чему не приведет, не в этот раз. Я просто не смогу ей помочь. Тут даже не в расстоянии дело – хотя в нем тоже. У меня нет визы в Австралию, да и не дадут мне такую визу, сам понимаешь, почему. Что бы ни

случилось с Сашей там, меня рядом не будет. И я надеялся, что ты полетишь за ней... или даже с ней. А ты до сих пор здесь. Вот я и спрашиваю, почему.

Андрей не спешил с ответом. Он развернул кресло так, чтобы смотреть в окно – на мутный серый мир. Его несколько не тревожило, что гость остался у него за спиной, он наверняка хотел этого. Ян даже начинал подозревать, что вот таким нехитрым способом его собеседник решил закончить неприятный разговор, когда ответ все-таки прозвучал.

– Я просто устал, – тихо сказал Андрей.

– Устал ее любить? – хмыкнул Ян.

Вот только Андрей иронию проигнорировал, он обернулся к гостю и ответил вполне серьезно.

– Да. Это оказалось сложнее, чем я предполагал.

– Охреть логика... И что теперь?

– А что делают, когда устают? Отдыхают.

– От человека?

Андрей взгляд, направленный на него, без труда выдержал, глаза не отвел. Видимо, привык к Эйлеровским взглядам за время жизни с Александрой.

– Да. Можно любить человека и уставать от него, и иногда отдыхать от него. Разве это настолько непонятно?

Тут хотелось соврать – просто чтобы доказать свою правоту во всем. Но на ложь не было сил, да и Андрей наверняка знал о собеседнике достаточно. Ян ни на миг не забывал, каково впускать в свою жизнь человека, который вечером мо-

жет заглянуть в гости – или оказаться в мексиканской тюрьме на двадцать лет. Причем с одинаковой вероятностью.

– Допустим, понятно. И ты прав, лезть в это глубже мне не хочется, – сдался Ян. – Но ты имей в виду... Я ей на этот раз не помогу. У тебя шансов больше, я прекрасно знаю, какие у тебя связи. Просто подготовься к тому, что нужно будет сорваться, если все полетит черт знает куда – а каковы шансы, что оно не полетит?

– То есть, снова перекраивать жизнь под нужды Александры?

– Ну, или так, или продолжай пролеживать диван в своем кабинете и сверхурочно кастрировать котов. Это тоже важно.

Андрей мог бы послать его хотя бы сейчас, а все равно не сорвался, предпочел промолчать. Ян подозревал, что это плохо: такая усталая злость могла тлеть куда дольше, чем бурная вспышка гнева. Но нужных слов тут все равно не осталось, дальше Андрею самому предстояло решить, как поступить.

Яна ожидала все та же бумажная волокита, поглощающая медленно и неумолимо, как болото. Спешить к этому не было никакого смысла, так что он даже не пытался объехать нарастающие вечерние пробки и обратно к отделению добрался уже в ранней темноте. Никого это особо не волновало, поэтому Ян просто собирался вернуться в кабинет и убить еще несколько часов жизни на тексты, которые никто не бу-

дет читать, когда его окликнул дежурный.

– Ян Михалыч, ты это... подожди, а?

В том, что дежурный его позвал, не было ничего особенного – и по работе могла возникнуть необходимость, и попытка одолжить денег стала бы не таким уж невероятным вариантом. Куда больше Яна удивило то, как дежурный обратился к нему: как будто украдкой, напряженно оглядываясь по сторонам. Почти как секретарь Андрея, и это было даже забавно... Хотелось усмехнуться, но Ян подозревал, что его не так поймут, и просто подошел к окошку.

– Подождал. Что нужно?

– Там этот... Принц наш парниковый опять подозреваемого в допросную поволок... А как по мне, плохая это идея... Там подозреваемый про врача ныл, и я предлагал, но этот же ни в какую...

– Так, стоп, – нахмурился Ян. – О чем вообще речь? Какого подозреваемого? И я так понимаю, речь идет о Костюченко?

– Ну да... Ты ж знаешь, каким он делом занят?

– Нет. С чего бы? Могу лишь предположить, что каким-нибудь простым и неумолимо ведущим к звезде на погоны.

Угадать такое было не сложно – иных дел юному Леониду Костюченко и не поручали. Ян подозревал, что малолетка на самом деле не глуп, но покровители новичка, видно, не хотели рисковать. Они выбирали только те случаи, где все

было на виду... Однако, судя по нервному виду дежурного, на этот раз что-то пошло не так.

– Вроде как да... Короче, там история такая: пара одна перестала на связь выходить, родня их забеспокоилась или друзья, не знаю точно...

– Дальше, – поторопил Ян.

– Ну, дальше добились того, что наряд туда поехал... А там парень с битой мордой, а девка мертвая на диване валяется.

– То есть, жертва и следы сопротивления в буквальном смысле налицо?

– Угу, – кивнул дежурный. – Орудия только нет... Застрелили там девицу-то, а непонятно, из чего, и нужно было добиться от парня этого признания: из чего стрелял, куда дел.

– Да уж, я слышал, как Костюченко этого добивался. В соседнем районе тоже слышали.

– Это как раз понятно, почему, там парень этот обкуренный совершенно... Когда его вязать приехали, он дверь-то сам открыл, но ни черта не соображал, бляял что-то и слюни пускал. Надо было ждать, пока его попустит чуток, ты сам знаешь, как такое делается...

– Но наш карьерист уже бил копытом. Опять же, мне-то что?

– Да я вот начинаю думать, что не обкуренный этот подозреваемый... Там результаты анализов пришли, чистый, кажется... Но все равно странный какой-то. Как будто под кай-

фом постоянно, слова из него вытягивать – то еще дело. При этом, сколько я с ним ни пересекался, ноет и на головную боль жалуется, врача требует, один раз его рвало, это я точно знаю.

– А Костюченко что? – поинтересовался Ян.

– Предполагает, что симулирует пацан... Раз все улики против него, будет в дурку проситься.

– Так может, и правда с отклонениями?

– Родня и знакомые говорят – нормальный он, самый обычный. Работал в банке, ну, понятно, что не совсем тупой! А притворяться не перестает. Там бы кого поспокойнее к нему послать, а наш принц все напором взять хочет, у него новая забава – скоростное раскрытие преступлений...

– Ты говорил, что он избитый был. Могло быть так, что ему голову серьезно повредили?

– Вряд ли, – ответил дежурный. – Там жертва была – полтора метра в прыжке. Она ему только глаз подбила и в нос дала, все, потом он ее застрелил. Сам он вообще отрицает, что дрался, все ноет, что застрелили его... Прикинь? Сидит и ноет – стреляли прям в голову! Это мне смешно, тебе смешно, а принца бесит.

Дежурному действительно казалось, что это смешно, что вся проблема в неадекватной реакции молодого сотрудника на типичную игру преступника. А вот Ян начинал подозревать, что не все может быть так просто... Нет, конечно, всегда оставался вариант, что убийца действительно в пани-

ке изображает сумасшествие. Но насколько наглым нужно быть? Или циничным... Да и потом, с чего бы ему вдруг так жестоко убивать свою девушку?

– Что мотивом-то стало? – уточнил Ян. – Они ссорились до этого?

– А я откуда знаю? – растерялся дежурный.

– Костюченко этим хотя бы озадачился?

– Да какая разница, из-за чего они поссорились? Как будто так много нужно, чтоб поцапаться, а там уж слово за слово...

– Есть следы постороннего присутствия? Доказательства того, что в подозреваемого действительно стреляли?

– Да откуда, Михалыч? Когда к нему приехали, дверь была заперта изнутри, он сам открыл... Чего ты ведешься на этот бред?

– Потому что он открыл дверь, зная, что в его квартире сейчас найдут мертвую девушку... Странно это все. Ладно, сиди тут, пойду узнаю у Костюченко, что он вообще думает обо всем этом.

– Да, ты уж посмотри... А то как-то это нехорошо все...

Дежурный заулыбался с явным облегчением: он и вмешаться не мог, и совесть саднила, а теперь, когда он переложил ответственность на Яна, можно было выдохнуть. Яну тоже не слишком хотелось связываться с новичком – капризным в любое время, а теперь обозленным противостоянием с непонятым подозреваемым. Однако даже того, что он

узнал, следователю было достаточно для сомнений в простоте этого дела.

Уже в коридоре было слышно, что разговор проходит на повышенных тонах. Впрочем, вопил Костюченко теперь не так сильно: то ли устал, то ли сообразил наконец, что это не помогает. Ян не стал подслушивать, он просто вошел без стука, заставив новичка замолчать от удивления.

Ничего особо страшного в допросной не происходило. Похоже, Костюченко со своим громогласным монологом прохаживался по центру комнаты. Подозреваемый же сидел перед ним на стуле, сгорбившись, и смотрел только на свои руки.

Ни на коварного убийцу, ни на гениального артиста этот парень не тянул. Выглядел он лет на двадцать-двадцать пять, среднего роста, обычного телосложения, будто потерявшийся в темно-зеленом спортивном костюме. Его лицо было серовато-бледным, но это, возможно, от стресса и недостатка сна. На этом фоне особенно зловеще смотрелись объемный кровоподтек, налившийся сливовым цветом и закрывший левый глаз, и темный порез на носу. Такие травмы мог оставить удар мужчины с комплекцией и уровнем подготовки Яна, но никак не молоденькой девушки...

К вошедшему повернулся только Костюченко, подозреваемый остался неподвижен.

– Что нужно? – мрачно осведомился новичок.

– Сообщили мне тут, что у нас задержанный требует ме-

дицинской помощи, а ему отказывают. Я, в силу высокого мнения о коллегах, не поверил и зашел вместе посмеяться над самым предположением, – доверительно сообщил Ян.

– Да не нужен ему никакой врач! Просто он по морде получил – от девушки, на которую напал! Если ему больно, потерпит. Его задача – рассказать, куда он пистолет дел!

– В лицо пистолет, – неожиданно забубнил подозреваемый. – Выстрелил в лицо... У меня болит голова, болит, я хочу лечь... Почему мне нельзя лечь?

– Потому что заткнись, Холмогорцев! – рявкнул новичок. – Голова у него болит... Зато у Эллы ничего не болит уже!

– Какая Элла? – мрачно спросил парень. – Не знаю никакой Эллу, мне плохо, я к маме хочу... Позвоните им, моим родителям... Я не могу больше оставаться тут, у меня очень болит что-то в голове...

– Докатались, у нас новая глава! – закатил глаза Костюченко. – Еще пять минут назад он доказывал мне, что не убивал Эллу, а теперь он не знает, кто это! По-моему, мы не в ту сторону движемся!

Ложь подозреваемого и правда смотрелась предельно наивной – даже слишком наивной. Ян мало что о нем знал, но не сомневался, что настолько безмозглого уголовника работать в банк не взяли бы. Парень действительно выглядел потеряннным, он то и дело болезненно морщился, на единственном открытом глазу уже блестела пелена слез.

И чем больше Ян видел, тем меньше ему нравилось происходящее.

– Что по наркотикам?

– Чистый он и трезвый, – отмахнулся Костюченко. – Просто мразь наглая!

– Приходил папа и еще какой-то человек... Или человек и папа... – пробормотал Холмогорцев. – Меня хотели убить... Кажется, меня убили...

– Пожалуйста, вы это слышали? Как с ним можно нормально разговаривать? Он даже врача требует потому, что хочет выиграть время! Не удивлюсь, если прямо сейчас какие-нибудь его дружки прячут оружие убийства, пока мы тут застряли! Вы что делаете?..

Ян выслушивать его тирады не собирался, он по-прежнему внимательно наблюдал за подозреваемым. Когда стало ясно, что со стороны он больше ничего не поймет, он уверенно двинулся к парню. Вот тогда Костюченко и сообразил, что лишился аудитории.

– Глаза проверить хочу, – пояснил Ян. – Если ведет себя как нарик, по зрачку должно быть видно.

– Да чистый он, говорю же, был анализ...

– Как будто в лаборатории никогда не ошибались.

– Поверить не могу, что кто-то повелся на его дешевую игру, – насмешливо бросил Костюченко.

Ян снова его проигнорировал, а мешать ему новичок не решился – еще не настолько обнаглел, хотя с такими замаш-

ками это становилось лишь вопросом времени. Подозреваемый же остался безучастен ко всему. Он, похоже, толком и не рассмотрел нового человека, вошедшего в допросную, да и не пытался.

Уже это противоречило теории Костюченко о симуляции. Если бы Холмогорцев изо всех сил пытался изобразить несчастного дебила, разве не бросался бы он за помощью к любому, кто посмотрел в его сторону? Разве не попытался хотя бы запомнить всех, кто мог свидетельствовать в его пользу?

Нет, его отрешенность была совершенно искренней... И Ян начинал подозревать, что наркотики – это еще лучший вариант.

Он опустился на одно колено, чтобы взглянуть на лицо подозреваемого – и не поверил собственным глазам. Беда в том, что никто не поверил... и теперь время было безнадежно упущено.

– «Скорую», быстро! – велел Ян, продолжая разглядывать обмякшее, как у спящего, лицо парня.

– Что? – растерялся Костюченко. – Какую еще «Скорую», зачем? У него просто фингал и порез на носу, все!

– Это не порез на носу, это входное пулевое отверстие, – негромко, чтобы не напугать Холмогорцева, пояснил Ян.

Он надеялся, что Костюченко хотя бы теперь сообразит: поговорить можно будет позже, сейчас нужно действовать. Однако новичок, еще недавно абсолютно уверенный в себе,

все быстрее катился в пучину паники.

– Нет!.. Ну нет же, так не бывает, где выходное тогда?!

– Нигде. Пуля до сих пор внутри.

– У него не может быть пули в голове! Он же больше суток назад задержан! Он ходил, он говорил со мной! Он притворяется, просто притворяется, он нарочно расковырял обыкновенный порез, чтобы все так подумали...

Рассчитывать на новичка было бесполезно, это Ян уже понял. Пришлось самому звонить в «Скорую» и рассказывать то, что правдой быть никак не могло, а все равно было.

И вот теперь о бумажной работе можно было забыть. Ян прекрасно понимал, какие проблемы сейчас начнутся у всех без исключения. Не знал он пока лишь одного: удастся ли парню, сидящему перед ним, пережить эту ночь.

Глава 2

Сначала было легко.

Дела, с которыми нужно было срочно разобраться, поглотили Александру, не давая ей ни минуты покоя, и это было хорошо. Для того, чтобы пробыть в Австралии хотя бы недолго, требовалось решить вопросы с прививками Гайи, разблокированием банковских карточек, счетами, о которых она совершенно забыла. После этого от нее ожидали отчетов о ее затянувшейся стажировке. И даже если Александра не планировала продолжить карьеру в федеральной полиции, ей нужно было все оформить правильно, чтобы не подставить людей, обеспечивших ее спокойное пребывание в России.

Так что просыпалась она ранним утром, а в отель возвращалась глубокой ночью. От обилия встреч, разговоров и обязательных вежливых улыбок кружилась голова. Едва Александре начинало казаться, что она покончила со всеми формальностями, как появлялось что-то новое. Но это и к лучшему – у нее не было ни времени, ни сил размышлять о том, что она натворила, вспоминать те последние разговоры... Рано или поздно ей предстояло разобраться со всем. Но она утешала себя мыслью, что потом, возможно, будет легче.

Неделя пролетела незаметно, на работе остались ею довольны – ее отчеты и доклады о проделанной работе выгля-

дели вполне убедительно. Александра получила неделю отпуска на то, чтобы наладить жизнь в Австралии.

– Хорошо все-таки, что ты вернулась, – заявил ее начальник. – Тут есть такие дела, на которых без тебя – никак!

Ей следовало сказать, что она, вообще-то, не собирается оставаться. Она вернулась в Австралию, чтобы уволиться и окончательно решить вопрос с переездом. Александра понятия не имела, почему промолчала – только кивнула и ушла, как будто действительно собиралась через неделю выйти на работу.

С тех пор сомнения не отпускали ее ни на миг. Чтобы отвлечься, она встречалась с друзьями, которые отчитывали ее за долгое отсутствие, ездила с Гайей на пляж, строила планы... А потом наступала ночь, и в тишине возвращались все те же неприятные вопросы. В Австралии ее ожидала блестящая карьера, которая, если уж называть вещи своими именами, стала заслугой Эрика – и вполне могла считаться его наследием. При этом муж вернуться к ней не мог, и Александра обнаружила, что одиночество угнетает.

Пару раз она отыскивала в памяти телефона номер Андрея, хотела позвонить... Это даже не было бы странно: австралийская ночь в Москве превращалась в вечер. Но всякий раз Александра не решалась нажать на экран. Она вспоминала последний разговор, который вышел куда сложнее, чем она ожидала. Ей казалось, что после такого она должна извиниться, или Андрей, или они оба, а потом она обяза-

на что-нибудь пообещать... Но правильных слов не было, и Александра просто отключала телефон.

Кроме того, она пока не находила в себе сил вернуться в собственный дом – а без этого о переезде в Россию не могло быть и речи. После смерти мужа Александре достался коттедж, окруженный роскошным садом, и ключи от этого дома давно уже поселились у нее в рюкзаке. Но поехать туда она не могла, как будто дом способен был повлиять на ее решение... Поэтому она устроилась в отеле, принимавшем постояльцев с домашними животными, и никому не говорила об этом – потому что никто бы не понял. Да и к могиле мужа она пока не ездила...

– Если у вас есть такое желание, вы можете отправиться куда угодно, миссис Моррис, – заявил ее финансовый консультант.

Поехать к нему было проще, чем поехать домой. Как только вопросы с работой оказались улажены, Александра записалась на встречу и теперь сидела в роскошном офисе, потерявшемся в недрах зеркальной высотки. Финансовый консультант недовольно поглядывал на Гайю, устроившегося на белоснежном ковре. Чувствовалось, что хозяину кабинета очень хотелось вышвырнуть отсюда и рыжего пса, и девушку, которая плюхнулась в дизайнерское кресло в пыльных джинсах. Но цифры на мониторе заставили консультанта проглотить упреки и улыбнуться чуть шире.

– Я помню, что Эрик оставил мне какую-то там сумму на

счета, но я за ней, если честно, в последнее время не следила, – признала Александра. – Если вдруг этот счет будет заблокирован... Получается, я потеряю все?

– С чего бы ему быть заблокированным?

– Не знаю... Ну, вдруг!

– У вас странное представление о гипотетических ситуациях, – покачал головой консультант. – Но для начала вы должны понять, что ваш муж оставил вам не просто какой-то счет. Он завещал вам все свои патенты, а это несколько постоянных источников дохода. Выплаты поступают в разные банки. Полагаю, мистер Моррис тоже не хотел бы оставлять вас с одним банковским счетом. Если вы волнуетесь о возможных рисках, никто не запрещает вам открыть еще один накопительный счет в любой стране мира – по вашему усмотрению.

– А если я перееду, скажем, в Россию?

– Если вы не под арестом, вы можете жить где угодно. Просто в некоторых странах вам будет чуть сложнее получать свои деньги, в некоторых – чуть проще. Я уже переслал вам выписку с примерным уровнем ваших доходов. Если хотите, я могу составить для вас проект инвестиций в конкретной стране по вашему выбору.

И все это означало, что последний подарок покойного мужа позволял ей всю жизнь не работать, если бы у нее возникло такое желание. Так что Александра уже не могла прикрыться страхом неустроенности в России. И все равно ре-

шение о том, чтобы окончательно сжечь мосты, никак не желало закрепляться...

Порой она замечала, что думает об Андрее чаще, чем о своей семье – и даже о собственном близнеце. Но в этом ей виделась скорее горькая ирония, чем повод для умиления.

Пока ее самым большим достижением была остановка возле своего покинутого дома. Александра глушила двигатель у обочины и смотрела на белые стены коттеджа, затерявшегося среди буйной зелени. Ей нужно было выйти, добраться до двери, отпереть замок... А она не могла даже покинуть машину. Образы из прошлого наслаивались на картинку из настоящего, и вот ей казалось, что сейчас она увидит себя, только куда моложе и беззаботней, и Эрика, и все будет как раньше... Это сбивало с толку, и она уезжала, стараясь не обращать внимания на взгляд Гайи, который в этот момент казался поразительно укоризненным.

– Завтра я решусь, – обещала она. – Вот увидишь!

Однако каждый раз выяснялось, что превращение «завтра» в «сегодня» коварным образом нарушает даже самые решительные планы, и Александра продолжала маяться.

Ну а потом ей позвонил Эйден, и у нее снова появилась уважительная причина не думать о прошлом и будущем.

Эйден Маграт был одним из учеников Эрика. Он обучался вполне официально, в то время как Александра присоединялась к тем же программам по личной просьбе мужа. Вначале общение не сложилось: Эйден не раз заявлял, что при

знакомстве он всегда жмет мужчинам руки, а женщинам – ягодицы, это его личная традиция, от которой он не собирается отказываться. Его поведение если не оправдывало, то хотя бы объясняло происхождение: он родился и много лет провел в такой глуши, где подобный метод приветствия считается нормой, а некоторым даже нравится.

Вот только Александра быстрый контакт не оценила, первую оплеуху Эйден получил от нее. А когда о случившемся узнал Эрик, он, вроде как более слабый на вид, без труда швырнул массивного австралийца в заросли колючего кустарника. Кого-то другого это вдохновило бы на месть, а Эйден остался в восторге, он при любом раскладе предпочел бы честную драку паутине интриг. С тех пор он восхищался Эриком, ну а Александру в своей мысленной системе знакомств пометил как мужчину и общался с ней соответствующе.

Когда Эрика не стало, Эйден был в числе тех, кто скорбел о нем искренне, а не потому, что так принято. Он очень помог с похоронами и решением последовавших за этим вопросов. Он сразу сказал, что придет на помощь в любом случае. Но потом Александра уехала, и ни о какой помощи не могло идти и речи.

После возвращения в Австралию Александра встречалась только с теми, кто сам находил ее и приглашал на какие-нибудь посиделки – слухи быстро распространялись. Об Эйдене она попросту не вспоминала, потому что ей было не до

него, и она не сомневалась, что он тоже в ней не нуждается. Эйден был из тех людей, которые преодолевают любые трудности с решительностью буйвола, а в депрессию и упадок сил верят не больше, чем в НЛО.

Тем удивительнее было снова услышать в трубке его голос – как всегда бодрый и жизнерадостный. Непосвященный мог подумать, что Эйден с утра пораньше немного пьян, однако Александра знала, что это его нормальное состояние. Пьяный он обычно чуть адекватней...

– Моррис, нужно встретиться прямо сегодня! – заявил Эйден. – Вообще-то, нужно было встретиться вчера или позавчера, но тут ты, конечно, притормозила, могла бы и сама позвонить!

– Давай потом, а? – отозвалась Александра, напряженно разглядывая укрытый зеленью коттедж, возле которого снова стояла ее машина. – У меня тут... неприятное дело.

– Я могу как-то помочь?

– Нет, я... Мне надо самой разобраться.

– А это не может подождать? – не отставал он. – Или решиться побыстрее?

– Слушай, Эйден, что тебе надо? Если честно и прямо.

– Да я и не собирался скрывать, что не просто так звоню! Мне по одному делу нужна консультация русской, ты как раз подходишь.

– Чего? – растерялась Александра. – Что у тебя там за националистические расследования?

– Ай, долго объяснять, а я не люблю болтать по телефону! Лучше встретиться, сама знаешь.

Отказываться Александра не стала – это давало ей очередное, на этот раз вполне убедительное оправдание, позволяющее не делать то, что нужно. Бросив виноватый взгляд на пустующий дом, она завела мотор.

С Эйденом они встретились через несколько часов на открытой террасе небольшого кафе. Прошедшие годы мало повлияли на детектива – он оказался из тех людей, которые и в двадцать, и в сорок лет выглядят примерно одинаково. Активная мимика раньше срока обеспечила ему сеть глубоких морщин, да и вечная щетина добавляла лет. А вот сияющий взгляд и заразительная улыбка несколько лет скидывали, поэтому для Александры Эйден был существом вне времени. Он даже чем-то напоминал одного из тех первых поселенцев, которые умудрились выжить на чужом континенте: огромный, сильный, много лет не изменяющий ковбойской шляпе. Что любопытно, шляпы он то и дело менял, но выглядели они всегда одинаково. Александра подозревала, что где-то в городе есть специальный магазин, который продает Эйдену шляпы сразу потрепанными.

Скрывать эмоции Маграт даже не собирался, он без труда сгреб Александру в медвежьи объятия, закружил, хохоча так, что на террасе стремительно освобождались соседние столики. При этом касался Эйден ее по-прежнему осторожно, уважительно. Для него то, что Эрик мертв, вовсе не озна-

чало, что обещания, данные наставнику, больше не нужно выполнять.

Гайя наблюдал за всем происходящим снисходительно, слегка помахивая хвостом. Это было любопытно: раньше Эйден нравился ему до щенячьего визга. Теперь же с бурным восторгом динго встречал только одного человека... Того, который остался далеко за океаном и о котором не хотелось думать.

Покончив с приветствиями и шутивными обвинениями в том, что кое-кому нужно было приехать пораньше, Эйден наконец плюхнулся за стол. К ним подошла официантка – куда менее испуганная, чем другие посетители кафе. Австралийские официантки насмотрелись на всякое, их хохотом смутить сложнее, они, если надо, и аллигатора шваброй погонять могут.

– Что, ты снова вернулась в нашу пыльную пустошь? – полюбопытствовал Эйден. – Конец, значит, обидчикам обиженных и прочим гангстерам?

– Я пока не уверена, что будет дальше, – признала Александра. С кем-то же нужно говорить честно.

– Я смотрю, у тебя визит в Россию-матушку знатно не по плану пошел...

– Я, если ты не против, не буду об этом говорить.

– Появился кто? – Эйден внимательно осмотрел ее руки, явно выискивая кольцо.

– Серьезно? А ты не староват для школьной сплетницы?

– Смотря с какой целью ты мне выдаешь школьную сплетницу! А, ладно, дело твое. Я просто тебя знаю: ты же после смерти Эрика чуть ли не в монахини подалась! Разве ж он этого хотел? Помню, он в последнее время как раз очень боялся, что ты так поступишь.

– Думаю, ты не распознаешь границу личного пространства, даже если она ударит тебя сапогом в лицо, – мрачно заметила Александра. – Свои-то проблемы уже решил?

Эйден долгое время вопил на каждом углу, что он не может лишиться весь женский род себя, сосредоточившись лишь на одной, поэтому жениться не собирается. Бравлада продолжалась до тех пор, пока одним не слишком прекрасным утром он не проснулся с очаровательной барменшей Клио, золотым кольцом на безымянном пальце и свидетельством о браке на прикроватной тумбочке. Александра так и не поняла, как Клио удалось это повернуть, но подозревала, что процесс напоминал охоту на дикого кабана.

Как и многие охотницы за живыми трофеями, Клио была ангелом лишь в начале семейной жизни. Это несколько усыпило бдительность Эйдена, и оформлять развод он так и не ломанул, хотя многие советовали. Вскоре после этого Клио стратегически родила трех детей, чтобы привязать к себе мужа, решила, что этого достаточно, и притворяться перестала. С тех пор скандалы в семье Магратов не утихали. Клио, которая слабо представляла, за кого вышла замуж, оказалась недовольна в Эйдене примерно всем и стремилась его пере-

делать. Он переделываться не хотел и сбегал из дома при любом удобном случае, не слишком интересуясь потребностями жены и детей. Когда Александра уезжала в Россию, он дошел до состояния волка, готового отгрызть себе лапу, лишь бы освободиться из капкана. Так что разговоры о семейной жизни он предсказуемо не любил и сразу же начинал рычать при любом намеке на них.

Но не теперь. Его улыбка стала чуть шире – и уже это ответило на вопрос Александры до того, как Эйден снова заговорил.

– А вот решил, представь себе! – Он гордо продемонстрировал лишенную кольца руку. – Гадюка больше не проблема. Я себе такого адвоката нашел – ты не представляешь! Ушлый малый, оттягал у нее все, она и твякнуть не успела.

Александра его восторг не разделяла, она сухо поинтересовалась:

– С детьми что?

– С детьми нормально все, – тут же посерьезнел Эйден. – Детям я помогать буду. А этой гадюке – ничего! И за ней буду следить. Если вдруг детей моих обидит, сразу с ними попрощается!

– И что, ты себе их заберешь? Один троих потянешь, без помощи женщины? Напоминаю: детям нельзя бросить тушу верблюда и надеяться, что дальше они сами разберутся с пропитанием.

– Злая ты все-таки, Моррис. А я работаю над тем, чтобы

у моих детей все хорошо было!

– Но меня ты позвал не за этим.

– Да. Тебя я позвал вот за чем.

Эйден достал из рюкзака, даже более потрепанного, чем его шляпа, папку с распечатками. Кто-то другой показал бы нужные файлы на экране смартфона, однако Эйден компьютерные технологии открыто презирал и всюду твердил, что верить нужно только своей памяти и записям, сделанным своей рукой. Видимо, компьютерные распечатки у него попадали во вторую категорию, потому что от руки он писал редко и так, что потом и сам прочитать не мог.

Теперь он положил на столик перед Александрой фотографию молодой женщины. Женщина была красивой: высокой, тонкой, изящной. Одета дорого и стильно: брюки, белоснежная рубашка, чуть приспущенная с плеча, туфли на шпильке. Из тех женщин, в которых сразу чувствуется что-то хищное, вызывающее, потому что они так хотят. Короткие волосы она красила в платиновый блонд, небольшие от природы глаза умело подчеркивала макияжем, но акцент делала все равно на очерченную кроваво-красной помадой улыбку.

Александрке хватило пары секунд, чтобы понять: она эту женщину никогда прежде не видела ни вживую, ни на фотографиях, к знаменитостям блондинка не относилась.

– Ну и зачем это мне? – любопытствовала она.

– Ее имя Арсения Курцева, – сообщил Эйден, с трудом выговаривая непривычные слова. – На фото ей тридцать два

года, гражданка России, работала журналисткой.

– А, вот теперь понятно, – кивнула Александра и после короткой паузы добавила: – Могло бы быть понятно в параллельной вселенной! Эйден, ты серьезно думаешь, что я всех русских женщин в лицо знаю? Ты же не знаешь всех австралийских!

– Я работаю над этим, – усмехнулся Эйден, однако на сей раз улыбка на его лице не задержалась. – Подожди, еще не все. Вот это тоже Арсения Курцева.

Он положил на столик вторую фотографию – такую, от которой другая женщина на месте Александры тут же отскочила бы метров на десять, да еще и с воплем. Александра же сдержалась – но лишь потому, что ей в жизни доводилось видеть вещи пострашнее. Хотя впечатлена она все равно была.

На втором снимке была изображена женщина без кожи. Но не труп, лежащий в крови, а настоящее произведение искусства – просто чудовищное. Замершая, выпрямившаяся, будто переставшая быть человеком, она осторожно поддерживала руками вскрытый живот, в котором переплетались цветы и травы.

Самым жутким в этой гротескной статуе было не издевательство над смертью, не возможность наблюдать освежеванного человека, а то, что в ней и правда узнавалась женщина с первого снимка. Кожу с нее сняли, а вот мышцы не тронули – в том числе и мышцы лица. Александра почти не сомневалась, что этот труп, подсвеченный прожекторами, выстав-

ленный на показ, действительно раньше был изящной Арсенией Курцевой, насмешливо улыбавшейся в объектив камеры.

И во всем этом не было смысла.

– Что за хрень? – только и смогла произнести Александра, переводя взгляд с одного снимка на другой.

– Да тут все очень сложно и аж на три континента... Ладно, начнем с начала. Тебе известно, что такое пластинация?

– Примерно. Обработка тел с использованием полимеров, превращающая их в нечто вроде пластиковых статуй... Но пластинация одобрена и используется для научных целей, а не вот для этого!

Для Александры не стало новостью, что по миру путешествует несколько выставок, позволявших всем желающим взглянуть на прошедшие пластинацию трупы. Тела там представлены в разрезе, они навеки застыли в причудливых формах, и это дает зрителям возможность наблюдать то, чему полагалось оставаться скрытым от посторонних глаз.

Организаторы выставок настаивали, что действуют исключительно в просветительских целях. Однако все прекрасно понимали, что большинство зрителей интересуется жуткими экспозициями вовсе не из-за страсти к анатомии. В лучшем случае им было любопытно, однако хватало там и извращенцев, получавших удовольствие от такого использования смерти. Но доказать это было невозможно, интерес к выставкам рос, их число множилось.

Однако все они сохраняли хотя бы видимость научного интереса. В этой же статуе не было ничего познавательного, здесь труп беззастенчиво превратили в экспонат.

– Теперь пластинация используется и для этого, – вздохнул Эйден. – Куда катимся, а? Это американская выставка «Элементы Земли». Сейчас она в Нью-Йорке, там и застрянет на какое-то время. А вообще она уже знатно покочесила по Штатам и везде получала только восторженные отзывы. Правда, гастролировать ее владельцы опасаются, потому что их вполне могут прикопать вместе с экспонатами в менее прогрессивной стране.

– И будут правы, – поежилась Александра. – Там реально целая выставка произведений искусства из трупов?

– Ну да. Тоже пластинация, просто с дополнениями. Действует по тому же принципу: все трупы типа добровольно переданы, эти люди при жизни подписали согласие на такую участь.

– На превращение в вазу династии Мин?

– На пластинацию, – уточнил Эйден. – А подробности они вряд ли узнавали... или им было все равно. Я не знаю, что в башке должно твориться, чтобы на такое пойти...

– Но для нас это лирика, давай вернемся к реальности. Предполагается, что Арсения Курцева согласилась вот на такое?

– Тут у нас первый подвох – один из многих в этой истории. На каждую статую у организаторов есть документы, и по

документам «Матерь-Земля» – это ныне покойная гражданка Швеции Стина Линдберг. Шведка эта действительно подписала соответствующее разрешение и действительно умерла. Но при жизни она выглядела вот так.

Эйден протянул Александре третью фотографию, и одного взгляда было достаточно, чтобы понять: Стина не имела к статуе никакого отношения. Шведка была очень крупной, судя по окружению, низкорослой, с круглым лицом и низким лбом. Разница между ней и «Матерью-Землей» была так велика, что никакое отсутствие кожи это не замаскировало бы.

– И что, никто не заметил подмену? – поразилась Александра.

– А кто будет замечать? Кто будет проверять? Организаторам важно получить побольше бабла. Властям важно, чтобы были соблюдены все формальности. Реально никто не отслеживает судьбы экспонатов от рождения до смерти – и к пластинации.

– Хорошо, допустим... Но как эту Арсению все-таки опознали?

– Судьба, понимаешь ли...

Выставка впервые открыла двери для посетителей чуть меньше двух лет назад. Тогда даже в вольно рассматривающих мораль Штатах разразился скандал, многие требовали прекратить издевательства над трупами, другие же ратовали за свободу искусства. В итоге победили те, на чью сторону переметнулся капитал, и выставка продолжила работу.

«Мать-Земля» была там с самого начала – одним из ключевых экспонатов. Она объездила несколько городов, предстала перед глазами десятков тысяч человек. Кто-то восхищался ею, кто-то прямо там, в зале, начинал плакать от жалости к несчастной. Однако никому не приходило в голову, что возможен подвох – ведь власти же это разрешили, они наверняка все проверили!..

И вот однажды на выставку заглянула другая русская девушка. Она статую как раз узнала – и вовсе не как Стину Линдберг. Эйдену даже не пришлось пояснять, как это произошло. Он просто положил перед Александрой четвертую фотографию, на которой навсегда остались запечатлены уже две девушки.

В одной несложно было узнать Арсению – все с той же улыбкой и уверенным взглядом. Вторая девушка, обнимавшая ее, оказалась очень на нее похожа. Александра даже предположила бы, что они близнецы, если бы не заметная разница в возрасте: лет в пять, а то и все десять.

– Сестра? – предположила она.

– Младшая сестра, Анастасия Курцева, – подтвердил Эйден. – Работала моделью, но я тут пошуршал немного и выяснил, что доход у нее был не столько от красоты, сколько от тех, кто этой красотой восхищался. В США она приехала «в гости» на полном содержании. С приглашавшим ее бизнесменом моталась по выставкам, кинопоказам, театральным представлениям, потому как он поддерживал образ большо-

го интеллектуала.

– И в какой-то момент решил интеллектуально посмотреть на мертвецов?

– Вроде того. Анастасия эта сначала спокойно все переносила, видно, девочка не робкая. Но возле одной статуи она неожиданно начала орать так, что успокоить ее уже никто не мог. Я лично видео с камер наблюдения смотрел, Сандра, там полный ступор. Да и понятно, почему! Они реально похожи, деваха будто на саму себя смотрела... Раньше-то возраст их хоть как-то отличал, Анастасия эта младше на шесть лет. Но теперь для Арсении возраст остановился, вот и почти сравнялись... Короче, там Настя эта ничего не смогла объяснить, ее увезли в больницу. Ну а потом, когда она очукалась малость, началось самое интересное.

Придя в себя, Анастасия немедленно связалась с российским консульством, объяснила, что произошло. Началась проверка, при которой организаторы выставки тут же достали свой главный козырь: разрешение на использование трупа, подписанное Стиной Линдберг. Но в эпоху социальных сетей определить, как выглядела настоящая Стина, оказалось несложно, и скандал разгорелся еще ярче.

Никто не брался сказать, где и когда произошла подмена. Художник, создавший «Мать-Землю», не был знаком с настоящей Стиной, обработанное тело он получил из Китая, где вполне легально действовала фабрика пластинации. Китайцы отмахивались от властей официальными разреше-

ниями и на контакт шли очень неохотно.

– Ну и где в эту историю вступаешь ты? – не выдержала Александра. – Арсения была русской, умерла предположительно в Китае, труп обнаружен в Америке...

– А пропала она в Австралии, – подхватил Эйден. – Я же говорю: три континента!

Последний раз Арсению и правда видели на австралийских берегах. Проверка показала, что российская журналистка бывала здесь на удивление часто – чуть ли не раз в месяц, при всей дороговизне дороги и долгом времени в пути. Сама Арсения везде указывала, что приезжает на отдых, потому что очень любит природу, да и климат ей по душе.

– Только все это бред – про природу, климат... У нас полторы тысячи видов пауков, какая природа? – хмыкнул Эйден. – Нет, там все очень непросто было... Я когда начал копать, столько поводов для размышлений понаходил! Она приезжала в страну всегда минимум на неделю, а в отеле жила хорошо если день. Где она находилась все остальное время? Сама она утверждала, что путешествовала, но тут путешествовать одинокой девахе – то еще приключение...

– Не преувеличивай, – поморщилась Александра. – Ладно иностранцы считают, что у нас ты только с самолета сошел – а тебя уже крокодил съел. Ты-то что продвигаешь?

– А я не просто так продвигаю, если что! Она довольно активно вела соцсети, я посмотрел, какие фотки она постила – в первую очередь из Австралии. Она по аутбэку гоняла

как нечего делать, Сандра! Одна! По аутбэку! Вернее, якобы одна. Но ты можешь в это вообще поверить?

– Она же в итоге закономерно пропала – так что да, могу поверить.

– Но до этого она там много раз бывала – и возвращалась! Из таких мест, которые и мужчин переваривают.

Александра все еще смотрела на него с сомнением, но полностью отмахнуться от его подозрений не могла. Она прекрасно знала: до того, как стать детективом, Эйден много лет проработал рейнджером в аутбэке, он прекрасно знал, о чем говорил. Да и в целом история мутная...

Но разве в мире так мало мутных историй?

– Слушай, я все равно не понимаю, какое отношение это имеет к тебе, – покачала головой Александра. – Ты занимаешься убийствами, не пропажей людей. А ее убийство не на твоей территории произошло. Кто тебе вообще это поручил?

– Никто, – признал Эйден. – Я сам разбираюсь... Но, если я не разберусь, это вообще никому не надо будет! Когда пришел запрос из Штатов, подняли материалы – все, что было у нас по ее исчезновению.

– И много было?

– Да ничего толком не было! Прибыла в Австралию легально, умотала непонятно куда, пропала непонятно где... Таких каждый год хватает!

– Но? Если ты так пылаешь, должно быть какое-то «но», – отметила Александра.

– Но следователь, который занимался ее поисками, мертв. Умер через пару месяцев после того, как ему досталось это дело.

– Убит?

– Несчастный случай, – неохотно ответил Эйден. – Но ко-
ржавый! Якобы он пьяным сел за руль и не справился с управ-
лением. А я его знал, Сандра! Бухал ли он? Бухал. Но он
и бухой водил отлично! Еще когда он умер, мне это пока-
залось странным. Тогда я не нашел причину, исчезновение
этой русской было одним из многих его дел... И тут обнару-
живается такое! Я не могу от этого отвернуться. Знаешь, что
янки предполагают?

– Похищение в аутбэке как раз для статуи?

– Вот именно! Понятно же, что они схватились за первую
удобную версию! Вроде как ее поймали в глуши просто как
красивую девушку. Но я подозреваю, что дело как раз в
ней. То, как она приезжала в Австралию, что делала здесь,
как пропала... И то, что произошло после ее исчезновения!
Убить детектива – это тебе не крысу переехать! Кто-то се-
рьезно заморочился тем, чтобы прикрыть расследование.

Александре хотелось спорить – а не получалось. События
и правда выстраивались не лучшим образом.

– Ты сказал, что тебе нужна моя помощь... В чем? В этом
твоем импровизированном расследовании?

– Со своим расследованием я справлюсь сам! – оскорбил-
ся Эйден. – Я только начал, между прочим, мне еще нужно

упорядочить данные! Тебя я позвал как русскую, забыла?

– Забудешь с тобой... Ты предполагаешь, что ее похитили осознанно из-за того, чем она занималась в России?

– Или что делала в Австралии, или это все было связано... Но с Австралией я разберусь. С Россией будет сложнее, а это необходимо. Я тут уже выяснил, что она была журналисткой, и не из тех, что прогноз погоды ведут. Она проводила серьезные журналистские расследования и перешла дорогу очень опасным людям, так сказала ее сестра. Я бы хотел, чтобы кто-нибудь из твоих знакомых, если есть такие, встретился с этой сестрой, проверил, насколько вообще можно верить ее показаниям... Ну и посмотрел, что там за расследования были. Ты так долго там была, наверняка у тебя появились нужные связи!

– Я что-нибудь придумаю.

– Отлично! – оживился Эйден. – А я пока буду собирать материалы со своей стороны, через неделю встретимся и все обсудим, договорились?

Он был уверен, что через неделю она еще будет в Австралии, а она снова не смогла возразить. Александра лишь кивнула, и разговор с мертвой журналистки перешел к куда более приятным темам – общим знакомым, чужим свадьбам и миграции кенгуру.

Александра сильно сомневалась, что ее помощь действительно была нужна в этом деле. Да, Эйден хороший детектив – Эрик всегда очень высоко его оценивал. И у погибшей жур-

налистки хватало странностей даже при беглом изучении ее биографии. Но умерла она, скорее всего, как раз из-за своей красоты, как и многие туристки, недооценившие Австралию.

Потому что, если бы у нее были какие-то тайные враги, они бы точно не стали превращать ее в статую. Зачем так подставляться? Как бы печально это ни звучало, Австралия – идеальная страна для незаметного избавления от тел. Арсению Курцеву могли закопать, утопить, скормить диким животным... И все это было бы куда надежней, чем выставить ее на всеобщее обозрение, да еще привлечь к ней фото- и видеосъемку.

Что же до погибшего следователя... Александра не исключала, что его могли устранить из-за дела Курцевой. Однако вовсе не потому, что ее убили из-за журналистских расследований. Просто кто-то не хотел, чтобы полиция отследила его связь с этой женщиной, только и всего. Этот загадочный «кто-то» тоже мог не знать о причинах исчезновения Арсени, он заботился исключительно о своем благополучии.

Александра могла бы объяснить все это Эйдену – и не стала. Потому что его просьба давала ей первую объективную причину полноценно поговорить с братом, даже вызвать его на видеочат. Ян и раньше не отказывался общаться с ней, иногда даже звонил сам, но те разговоры почему-то не клеились. Александра понимала, что говорит с самым близким

человеком на свете, а звучало это как светская беседа двух пожилых родственниц. Как у тебя дела? Хорошо. А как здоровье у всей семьи, а как учится Ася?.. Много вежливого. Ничего по-настоящему важного.

Это было не удивительно – после внезапного отъезда Александры. Она готовилась к тому, что будет трудно, но даже не думала, что настолько. Если бы кто-то рассказал ей о похожей ситуации, она бы точно осудила дуру, которая бросила только-только налаженную жизнь и умчалась непонятно куда. Но когда смотришь не со стороны, а изнутри, нюансов не в пример больше.

Ян не стал отказывать ей, и на видеочат он согласился. На стороне Александры уже была ночь, у него – вечер, но там, на стыке осени и зимы, любой вечер ночью кажется.

Брат выглядел спокойным и уставшим. Он больше не пытался упрекать Александру, казалось, что ему вообще теперь не до того. Его тревожило нечто важное, однако он об этом не упомянул. Ян внимательно ее выслушал, даже записал что-то, но под конец признал:

– Ты ведь понимаешь, что это не наше дело?

– Не без того... Но может оказаться, что мы дадим Эйдену наводки на другое преступление, с которым эта Арсения действительно была связана... Если тебе не сложно.

– Нормально, я проверю, чем она тут занималась.

– Точно? – не отставала Александра.

– Звучит так, будто ты пытаешься меня разубедить после

того, как сама же попросила.

– Я попросила, только если у тебя нет дел поважнее.

– У меня их нет.

Это было ложью – но не раздраженной ложью, а той, которую выдают близким, чтобы они не слишком беспокоились. В том, что у Яна какие-то неприятности, Александра уже не сомневалась. Но они оба понимали, что сорваться, приехать и помочь ей будет не так просто...

Если она решит остаться в Австралии, к такому придется привыкать. К роли тетушки, которая иногда навещается в гости, а потом забывается еще на несколько месяцев.

Утром новые звонки и приглашения на встречи заставили забыть сразу два неприятных разговора – с Эйденем и Яном. Жизнь закружила еще на несколько дней, а потом снова замерла перед рокотом надвигающейся грозы.

Метеорологи говорили, что грозовой фронт сдвинулся в сторону из-за каких-то там особых ветров. Александра не вдавалась в подробности, она думала о другом: перед сильным ливнем жизнь замирала даже в больших городах. Не полностью, однако ритм ощутимо замедлялся. Туристы предпочитали собираться в торговых центрах, которые оказались ожидаемо переполнены. Владельцы кафе и мелких магазинчиков спешно перевязывали веревками все, что мог утащить крепчающий ветер.

Ну а Александра снова направилась к дому, который принадлежал ей. Когда на землю рухнула водяная стена, она да-

же не замедлилась. От наступившей темноты и шума дождя почему-то стало легче – как будто природа давала ей шанс проскользнуть в прошлое незамеченной. Александра надеялась, что этого будет достаточно.

Однако решимость продержалась ровно до того момента, как заглох двигатель. Потом Александра снова оказалась в уже знакомой ситуации: в салоне автомобиля на обочине, без той энергии, которая нужна для выхода и правильных действий. Она даже думала, что все снова пойдет по старому кругу, когда в окно неожиданно постучали.

Ей казалось, что она одна на улице: ливень поглощал все и всех, скудного света фонарей отчаянно не хватало, чтобы разглядеть даже близких прохожих. Но откуда здесь прохожие в такой час, при такой погоде? Так что Александра ни на миг не усомнилась, что она одна, а потом был стук и был темный силуэт за залитым водой стеклом.

Прежде чем отреагировать, она бросила быстрый взгляд в зеркало заднего вида, чтобы оценить реакцию Гайи. Если бы к ним подобрался кто-то опасный, пес должен был зарычать... Динго действительно насторожился, приподнял уши, но рычать он не собирался. Наоборот, рыжий хвост несколько раз дернулся, намекая, что Гайе интересен неожиданно вынырнувший из грозы незнакомец.

Поэтому Александра все-таки опустила оконное стекло, хотела спросить, чем может быть полезна – и не смогла. Потому что даже через дождь и темноту она без труда узнала

человека, которого тут быть никак не могло.

– Ты? – только и смогла произнести она.

Одинокое слово утонуло в шуме воды, но он все равно услышал – или догадался, о чем она могла спросить.

– Я, – кивнул он. – Как видишь. Думаю, нам пора поговорить.

Глава 3

В квартиру, где обнаружили мертвую девушку и задержали Максима Холмогорцева, так никто и не вернулся. Эксперты давно закончили там работу, родственникам разрешили убрать внутри, однако никто этого делать не спешил. Когда Ян пришел по нужному адресу, на двери все еще стояла печать.

– Тебе ведь нельзя сюда приходить? – полюбопытствовал Кирилл, выглядывая из-за плеча дяди.

– Нет, это тебе нельзя сюда приходить, – указал Ян. – Мне просто нежелательно.

Это по-прежнему не было делом Яна, никто не собирался поручать ему расследование. Но сам он отстраниться от произошедшего уже не мог. Во-первых, он прекрасно понимал, что все сейчас сосредоточится на случившемся с Холмогорцевым в участке – и возможном скандале. Желających узнать, что же произошло в этой квартире, станет на порядок меньше. Во-вторых, Яну было просто жалко парня, с которым сначала случилось непонятно что, а потом ему еще и не повезло попасть в зону бурной деятельности Леонида Костюченко.

Но даже так Ян не собирался звать с собой племянника. Кирилл позвонил ему сам – видимо, что-то выяснил через отца, такие слухи распространяются быстро. Он изъясил же-

вание помочь, и Ян не стал отказываться. На полноценную помощь по делу Холмогорцева он не рассчитывал, Кирилл нужен был ему для другого задания. Что же до этой квартиры... Пусть посмотрит и подумает. Чувствовалось, что Кирилл не определился с собственным будущим, пока пошел учиться на программиста, однако расследование преступлений все еще рассматривал как вполне рабочий вариант.

На лестничной клетке они не задержались, смысла не было – здесь уже не раз все вымыли. Ян забрал ключи из вещей Холмогорцева, и это, конечно, стало нарушением, которое пока некому разоблачить – даже по самым благоприятным прогнозам врачей у парня не было шансов в ближайшие дни выйти из комы. А даже когда выйдет... Кто тут угадает, что вообще останется от него прежнего?

Квартира, в которой жили Максим и Элла, оказалась старой однушкой, которую переделали в студию – снесли несколько стен, получили побольше пространства. От двери и правда можно было увидеть почти всю комнату, не удивительно, что дежурные сразу заметили окровавленную девушку на диване.

– Так с чего все началось? – тихо спросил Кирилл.

Пока они сюда ехали, он старательно изображал уверенный цинизм человека, который на месте преступления сохранит ледяное спокойствие и будет готов помогать. Но когда они добрались до квартиры и он увидел пятна крови, так и не отмытые с пола и теперь шелушившиеся хлопьями, эн-

тузиазма у него заметно поубавилось.

– С того, что эти двое не пришли в гости, – отозвался Ян, разглядывая квартиру. – Они были приглашены к его родителям и не появились, на звонки не отвечали. Отец позвонил в полицию, но там, понятное дело, отнеслись к этому не слишком серьезно. Молодая пара, никаких оснований для подозрений нет, соседи по месту жительства не жаловались... Ну, сам понимаешь.

– Понимаю. А чего родители проверять не поехали?

– Тоже не боялись по-настоящему... Есть предположение, что они теперь себе этого не простят, но дело уже не наше. Когда связи с Максимом и Эллой не случилось и на следующий день, мать через каких-то знакомых все-таки достучалась до полиции. Хотя, честно тебе скажу, дежурных сюда послали в качестве большого одолжения. Они не ожидали, что увидят тут такое... Я бы тоже не ожидал.

На звонок дверь открыл лично Максим – и вроде как это доказывало, что родители беспокоились напрасно, молодые просто загуляли и не захотели идти на унылые старческие посиделки. Вот только выглядел парень странно: с уже затекшим глазом, с засохшей кровью и тем, что показалось дежурным порезом, на носу. Максим отвечал на вопросы растерянно, он будто и не понимал, где находится и с кем говорит. А главное, он не мог объяснить, почему его девушка, которую дежурные прекрасно видели из прихожей, ни на что не реагирует. Максим повторял, что она просто спит. Дежур-

ные, подойдя поближе, обнаружили, что она уже много часов как мертва.

Максима задержали, и версия, на которой позже настаивал Костюченко, казалась единственно верной и очень простой. Якобы молодые люди поссорились, и Элла напала на сожителя первой – ударила его чем-то тяжелым по лицу. Максима это разозлило, но удар получился сильным, и устроить полноценную драку парень не смог или не захотел. Он достал откуда-то пистолет и застрелил Эллу, ну а после потерял сознание из-за собственного ранения.

Придя в себя, Максим в полной мере осознал, что сделал. Он поспешно избавился и от орудия убийства, и от того предмета, которым его якобы ударила Элла – он понимал, что версия с самообороной не сработает, и хотел запутать следствие. Без улик его игра в помешательство попросту смотрелась убедительней.

Эксперты установили, что обыска в квартире не было, ценные вещи остались на своих местах. Следы постороннего присутствия походили скорее на дружеские посиделки, чем на взлом. Все указывало на то, что кроме Максима и Эллы в квартире никого не было, и это делало слова Максима о выстреле в лицо совсем уж безумными...

Но только на первый взгляд.

– Одному мне кажется, что из этой истории во все стороны белые нитки торчат? – спросил Кирилл, когда Ян пересказал ему все, что известно полиции.

– Не одному. Но Костюченко, похоже, решил, что это декоративная вышивка, к которой нет смысла присматриваться.

Версия была цельной, только если принять ее в таком виде и не задавать неудобных вопросов. Иначе она рассыпалась слишком легко и быстро.

Начать хотя бы с орудия убийства... Куда оно делось? И откуда взялось? Официально Холмогорцев никогда оружие не покупал.

Второй проблемой становился мотив. Костюченко использовал столь удобную любовь и ревность, потому что для такого нет стандарта и меры. На самом же деле все знакомые пары, с которыми успел связаться Ян, утверждали, что никаких проблем у Максима и Эллы не было. Эти двое были спокойными, в меру обеспеченными, умными. Они не пили и не принимали наркотики – ничего запрещенного в их доме не обнаружили. Так с чего бы миниатюрной девушке начинать драку? А Максиму, адекватному, рассудительному парню, вдруг стрелять в нее без предупреждения?

Ян теперь рассматривал фотографии пары – их тут хватало, похоже, они купили «полароид» и пока не устали от этой игрушки. Все указывало на то, что Максим и Элла много времени проводили вместе, путешествовали, им было хорошо вдвоем. Не та пара, которой легко можно приписать откровенно маргинальное поведение.

Кирилл, похоже, думал о том же, он не выдержал:

– Слушай, этот ваш Костюченко реально настолько тупой? Как можно такое не заметить?

– Он не тупой, если объективно. Он просто самоуверенный и неопытный. Его здорово сбilo с толку то, что Максим постоянно говорил о выстреле в голову, но при этом оставался на ногах и в сознании. Костюченко воспринял это как издевательство со стороны подозреваемого.

– Но ты же сразу понял...

– Не сразу, – возразил Ян. – Когда я издаleка на этого Холмогорцева взглянул, мне тоже показалось, что у него ссадина на носу. Пулевое я распознал только вблизи.

– Ладно ты... А врачи почему не увидели?

– А врачи его толком не рассматривали. Так, глянул дежурный фельдшер один раз спросонья, помазал перекисью, ну а потом Костюченко никого не вызывал. Ему казалось, что все под контролем.

– Косяк?

– Однозначно косяк. Если бы у Холмогорцева действительно был просто фингал под глазом, это ничего бы не значило. Но с учетом последующих событий, всем боком выйдет.

– Как он вообще жив остался? – удивился Кирилл, разглядывая снимок смеющегося Максима Холмогорцева, еще не догадывавшегося, какая судьба ждет его совсем скоро.

– Бывает и так. Пуля застряла внутри, расколола череп, мозг в итоге был поврежден и пулей, и осколками. Насколько

я знаю, Холмогорцеву пришлось удалить глаз и часть мозговых тканей. К чему это приведет – можно будет определить, лишь когда он проснется.

– Да уж... А я думал, мне по жизни не везет!

Теперь Ян без труда представлял другую картину, значительно отличавшуюся от версии, с которой работал Костюченко.

Кто-то действительно пришел к этой квартире в тот вечер – то ли убивать, то ли ограбление пошло не по плану... В любом случае, на Максима напали сразу же, одного выстрела хватило, чтобы он потерял сознание. Он был неплохо подготовленным парнем и при любом другом раскладе попытался бы сопротивляться, однако следов сопротивления не было на руках ни у него, ни у Эллы.

Элла же до последнего оставалась на диване, попасть в нее со стороны двери не составило большого труда. В девушку выстрелили дважды: в лицо и грудь, обе раны были смертельными, умерла она быстро. Нападавшие ушли, уверенные, что живых в квартире не осталось...

Ну а Максим пришел в себя. Соображать нормально он уже не мог, хотя был еще не так плох, как на допросе. Скорее всего, он запер дверь, увидел, что Элла неподвижно лежит на диване в темноте, и решил ее не будить. Медики, с которыми говорил Ян, пояснили, что травма мозга развивалась постепенно – по мере того, как Максим двигался. Если бы ему помогли сразу же, у него еще остался бы шанс вернуться

к нормальной жизни...

Но приехали не готовые помочь ему люди, а дежурные. И они тоже не желали Максиму зла, просто им ситуация показалась однозначной. Парня, которому и двигаться-то было нельзя, скрутили, потащили к машине... И в какой-то момент та самая надежда на полное выздоровление оборвалась. Чудом можно было считать уже то, что он вообще остался в живых.

Однако вспомнить, что именно произошло, он больше не мог. Максим не притворялся на допросах, он и правда стремительно забывал свою жизнь. Если утром он еще знал, кто такая Элла, то потом она исчезла из его мира – живая или мертвая. То, что было его трагедией, бесило Костюченко – как обычное издевательство. Неопытный молодой сотрудник попал в уникальную ситуацию, позвать на помощь не позволила гордость, и случилось то, что случилось...

Но разбираться с этим предстояло не Яну. Он хотел понять, зачем кому-то понадобилось убивать самую обычную влюбленную пару.

– Может, это с работой связано? – допытывался Кирилл, уже немного освоившийся в окровавленной квартире. – Этот тип вроде в банке работал... Может, он кому кредит не дал? Или дом отобрал?

– Меньше американских боевиков смотри, – посоветовал Ян. – Холмогорцев был мелким банковским клерком, он вообще ничего не решал, просто документы заполнял. Девуш-

ка работала в детском саду.

– А это... извечный мотив – страсть? Были у них бывшие, которые могли такое учинить?

– Сам-то как думаешь? Очень вряд ли, но буду проверять. Плюс мне эти его слова про отца покоя не дают... Тоже есть с чем повозиться.

Это Кириллу Ян спокойно сказал, что родители не поехали сюда вечером, потому что не испугались. Ему не хотелось, чтобы племянник решил играть в детектива на двух фронтах. Самому же Яну версия казалась не слишком убедительной. Если они действительно боялись, разве сложно было приехать? Не так уж далеко. Да и потом, до того, как травма усугубилась, Максим не раз сказал, что в него стрелял отец... Не только отец, но и отец тоже. Холмогорцев был не в том состоянии, чтобы что-то выдумать или свести счеты. Он был способен лишь на простейшую правду, ее и выдал.

Закончив осмотр, Ян покинул квартиру, запер дверь. Никто из соседей так и не появился. Да и выстрелов они не слышали – одна из квартир на лестничной клетке пустовала, в другой молодой хозяин частенько не ночевал, ниже и выше жили пенсионеры. И все равно странно... Вот с этим «странно» и нужно было работать сразу, а не Холмогорцева добивать, но что теперь можно исправить?

– Пойдем, – позвал Ян. – Я же с тобой изначально об Александре хотел поговорить, а не об этом всем.

Как и следовало ожидать, Кирилл тут же помрачнел. Ему

и Асе отъезд Александры тоже дался тяжело. Со всем юношеским максимализмом они искали причину в себе, даже если умом понимали, что они-то как раз ни на что не влияли. Они любили тетку – и не понимали ее. Похоже, Кирилл до сих пор не решил, как относиться к случившемуся. Чтобы он не вздумал заиграться в обиду, Ян добавил:

– Ей нужна помощь. Твоя в том числе.

– Она что, уже и в Австралии умудрилась влезть в неприязности? – удивился племянник.

– Как будто это так сложно...

После разговора с сестрой Ян успел проверить всю историю в интернете, поэтому знал даже больше, чем сказала Александра. Полноценного уголовного дела по убийству Арсении Курцевой до сих пор не завели. Проблема заключалась в том, что после пластикации сложно было провести анализ ДНК, а организаторы выставки еще и изо всех сил противились этому. Так что пока опознание тела основывалось лишь на внешнем сходстве и показаниях сестры, а этого для правоохранителей было недостаточно. Чтобы спасти выставку и собственные доходы, организаторы были готовы пойти на многое, ну а на судьбу Курцевой им было искренне плевать.

Впрочем, тут Ян тоже не горел желанием докопаться до истины во что бы то ни стало. Вот дело Холмогорцева его злило. А вся эта история с превращением в статую... слишком непонятно, да и Александры напрямую не касается.

Однако то, что Курцева пропала в Австралии, сомнению

не подлежало, так что собрать о ней побольше информации и передать местным полицейским было полезно при любом раскладе.

– Ты хочешь, чтобы я этим занялся? – оживился Кирилл.

– Я хочу, чтобы ты унял пионерский энтузиазм. Будешь делать то, чему как раз учишься, – собирать данные онлайн. С сестрой этой Курцевой я встречаюсь сегодня вечером, с ней я поговорю сам.

Он не стал добавлять, что допросы все еще не были сильной стороной Кирилла, это и так очевидно. Проблемой становились даже не молодость и недостаток опыта, просто голос Кирилла по-прежнему звучал хрипловато и неуверенно, то и дело срывался. Ян признавал, что за последние месяцы племянник проделал грандиозную, достойную уважения работу над восстановлением собственных связей. Однако этого все равно было недостаточно для доверительных разговоров с незнакомцами.

Зато в работе с компьютерными данными Кирилл изначально был хорош, а теперь и вовсе вышел на профессиональный уровень. Ему вполне можно было поручить составить полный список журналистских расследований, которые провела Арсения Курцева – при условии, что Анастасия про это не солгала.

– Это твоя программа минимум, – указал Ян.

– Да легко! А программа максимум какая?

– Предположим, что сведения Александры верны: Курце-

ву действительно похитили, убили и превратили в статую за какое-то из ее журналистских расследований. В своем списке определи людей, которые могли организовать такое. И задача со звездочкой: попытайся понять, зачем она так часто моталась в Австралию.

– Не проще ли спросить об этом у сестры? – удивился Кирилл.

– У сестры-то я спрошу, но и ты не халтурь. Судя по тому, что я узнал об этой сестре, она не самый надежный источник информации.

– Понял, босс, будет сделано!

Со стороны могло показаться, что Кирилл отнесся к поручению недостаточно серьезно. Однако Ян не сомневался, что он сделает все, что нужно, а шутить он при этом может сколько угодно.

Заезжать в отделение не было смысла, до встречи с Анастасией Курцевой оставалось меньше часа, а при утонувших в снежной мешанине дорогах время в пути шло иначе. Поэтому Ян сразу же направился к квартире модели.

Он предлагал Анастасии встретиться в ближайшей кофейне – он честно признался, что расследование не официальное. Но она наотрез отказалась, и было слышно, что дело не в капризе, дело в страхе. Похоже, Анастасия и в Россию вернулась в первую очередь потому, что испугалась чего-то... Ян подозревал, что при должном желании достать ее могут и в квартире, но говорить об этом не стал.

В соцсетях фотомодели Анастасии Курцевой подписчиков ожидала сказочная жизнь – с шампанским на завтрак, элитной косметикой и настолько огромными букетами роз, что удержать их можно было лишь двумя руками, да и то не всегда. Реальность оказалась не такой гламурной: красавица жила в обычном панельном доме, в старой квартире, пусть и заваленной дорогой одеждой и обувью.

Когда Ян пришел, Анастасия заставила его открыть перед дверным глазком удостоверение, долго что-то рассматривала и только потом рискнула отпереть замок. Но безопасней она себя в компании полицейского так и не почувствовала, она чуть ли не силой втащила Яна внутрь и поспешила снова запереть дверь.

– За вами кто-нибудь шел? – нервно спросила она, снова глядя не на гостя, а на площадку за дверью.

– Нет. А должен был?

– Я уже ничему не удивлюсь!

Она не притворялась, она действительно была напугана. Ей почему-то казалось, что, если она единственная, кто опознал Арсению, нужно убрать свидетельницу – и дело закроется само собой. Возможно, именно поэтому Анастасия так легко согласилась поговорить с Яном: ей хотелось, чтобы кто-нибудь еще знал то же, что знала она. Анастасии казалось, что тогда смысла решать дело кровью попросту не будет. Ян же прекрасно знал, что убить двоих немногим сложнее, чем одного.

Анастасия провела его на кухню, предложила чай. Получив отказ, себе делать тоже не стала, но залпом выпила какие-то таблетки.

– Как вы вообще вышли на меня? – спросила она.

– У нас не так давно была совместная программа с федеральной полицией Австралии, теперь они попросили помочь в сборе данных.

– Да, Австралия... Я там никогда не была... А Стеша часто бывала. Ее убили там? Мне никогда не нравилось то, что она туда ездит. Но ей почему-то полюбилась именно эта жуткая даль...

– Анастасия, подождите, – мягко прервал ее Ян. – Давайте начнем с начала. Мне нужно побольше узнать о вашей сестре.

Оказалось, что в Москву Арсения и Анастасия переехали когда-то вместе. Родители их были живы – но мало ходили на родителей. Семья зависла в том странном положении, когда она была недостаточно плоха, чтобы оттуда изъяли детей, но и недостаточно хороша, чтобы этим детям спокойно жилось. Арсению такой расклад не устраивал, и при первой же возможности она отправилась в столицу, прихватив с собой сестру-подростка. По закону родители могли вернуть домой хотя бы Настю, но им это попросту не было нужно.

Настя же оказалась привязана к решительной, волевой сестре. Пока Арсения была сильной, Настя тоже без труда оставалась сильной. Старшая стала журналисткой. Младшая

умом не отличалась и решила грамотно использовать свою красоту. Настя с помощью сестры начала подрабатывать моделью – и в то время она получала приличные гонорары именно за съемки, спонсоров она не искала, прекрасно зная, что это разозлит Арсению.

– Стеша очень честная, – доверительно сообщила Анастасия. – Она всегда за справедливость!

Никогда, рассказывая о сестре, она не использовала слово «была», это Ян тоже отметил.

Анастасия показывала ему фотографии – у нее хватало снимков и на планшете, и на смартфоне. Сестры не просто были очень похожи, они оказались близки, много времени проводили вместе. При этом их дружба не была равноценной, даже на застывших кадрах несложно было разглядеть, что Настя смотрела на сестру с восхищением и обожанием.

– Стеша очень умная, она могла стать кем угодно, а стала журналисткой, чтобы бороться за справедливость! – гордо сообщила Анастасия.

Арсения Курцева и правда занялась журналистскими расследованиями уже на заре своей карьеры. Сначала она действовала осторожно – да и редакции относились к ее трудам скептически. Она наблюдала за знаменитостями среднего уровня, в основном сетевыми, и разоблачала шантаж, мошенничество, откровенный обман. Она не боялась ни угроз, ни толп обозленных фанатов. Это постепенно обеспечивало ей необходимую репутацию, и Арсения начала действовать

жестче. Ее новой мишенью стали бизнесмены – и некоторым ее расследования стоили серьезных штрафов или даже потери бизнеса.

При этом нельзя сказать, что в какой-то момент она забыла об осторожности. Арсения никогда не связывалась ни с политикой, ни с криминальным миром, ей хватало экономической сферы. Естественно, ей постоянно угрожали, ее пытались опозорить, один раз даже избили. Но все это она переносила с удивительным спокойствием и двигалась дальше.

– Ей очень важно всегда оставаться честной, – пояснила Анастасия. – В мире так много обмана... Она бы к такому не присоединилась.

– Даже за очень большие деньги?

– Стеша говорит, что денег должно быть не много, а достаточно. Ей достаточно того, что она зарабатывает честным путем. За журналистские расследования, между прочим, хорошо платят!

– Охотно верю. Расскажите про Австралию, прошу.

– Это всегда была просто какая-то необъяснимая любовь... и необходимость тоже, как я думаю.

– В смысле – необходимость? – растерялся Ян.

– Стеша сказала мне, что враги у нее все равно есть – и немало. Она не думала, что они способны серьезно навредить ей, но на отдыхе она не готова была даже к мелким пакостям. Поэтому она предпочитала отдыхать очень далеко, в месте, до которого они не доберутся. Она не оставалась в

каком-нибудь одном отеле, Стеша путешествовала по всей Австралии, так ей было спокойней.

Похоже, Анастасия действительно верила в эту версию. Яну же ее слова напоминали историю, которую старшая сестра наспех сочинила для успокоения младшей. Путешествуя в одиночестве по пустошам Австралии, Арсения была защищена от своих московских недоброжелателей – однако в любой момент могла стать жертвой других преступников или самой природы. Да и потом, если уж она так боялась, разве не комфортней и безопасней было обосноваться в каком-нибудь элитном европейском отеле? Ян пока мало знал о ее журналистских расследованиях, но сильно сомневался, что она перешла дорогу людям, способным с топором гоняться за ней по всему Монако.

Вот только Анастасия от таких сомнений не страдала. Чувствовалось, что она привыкла верить сестре всегда и во всем. Ей и в голову не могло прийти, что Арсения способна ее обмануть.

– У нее были друзья в Австралии? – спросил Ян.

– Близких не было, только приятели, с которыми ей удобно было путешествовать.

– Муж или жених?

– Нет, ничего такого, – с непонятной усмешкой ответила Анастасия.

Арсения ездила в Австралию больше года, благополучно возвращалась – а потом вдруг пропала. Никто не мог точно

сказать, где и когда это произошло, ведь она снова отправилась в пустоши. Естественно, Анастасия забила тревогу. Она подключила всех знакомых сестры, да еще и полетела в Австралию лично. Ей казалось, что если она попадет туда, она обязательно все исправит...

Однако чудо не случилось. В австралийской полиции приняли заявление, но честно сказали, что туристов в стране пропадает очень много – а находятся единицы. Некоторое время Анастасия получала хоть какую-то информацию от следователя, которому поручили это дело. Но потом он погиб, и ее вопросы стали перебрасывать от одного специалиста к другому – не давая толковых ответов.

Настя не привыкла жить одна. Она перестала получать контракты, она начала меньше зарабатывать – и ей банально стало страшно. Одиночество тяготило ее, а сестра все не возвращалась. Чтобы не сойти с ума от тоски и ужаса, Настя приняла ухаживания одного богатого покровителя, затем другого... Потом это стало привычным.

После исчезновения Арсении прошло три года, Настя перестала ждать, озлобилась – хотя и старательно доказывала, что это не так. Ее не покидало чувство, что сестра не пропала, а бросила ее. Благодаря этому Настя могла не тосковать, а злиться. Тоже не слишком радостно, но все-таки легче... Она спасалась гневом, пока в ее жизнь не вторгся Нью-Йорк.

Арсению она узнала мгновенно. Ей не нужны были никакие документы и тесты ДНК, на лицо сестры Настя смотрела

как в зеркало. Ей показалось, что Арсению не просто убили, на нее обрушились какие-то неведомые, почти мистические силы. Теперь они обнаружили Настю – и наверняка заберут ее... Она бросила своего американского покровителя, ничего ему не объясняя, первым доступным рейсом вернулась в Москву и с тех пор не выходила из квартиры, заказывая все необходимое с доставкой.

– Тот, кто сделал это со Стешей, настоящий псих, – прошептала Настя. – Этот мужчина наверняка захочет продлить месть, добравшись и до меня, если он узнает, как я была дорога Стеше...

– Так, стоп! – нахмурился Ян. – Какой еще мужчина? И почему вы решили, что это месть?

– Не знаю я, какой мужчина... Но ведь такое жестокое убийство с выставлением напоказ – это наверняка месть! И способен на нее только мужчина!

– Да почему же?

– Потому что Стешу заставили родить ребенка! – выкрикнула Настя, сжимая кулаки. Продолжила она чуть спокойней. – Это была не просто статуя, этот живот... Это живот только что родившей женщины. Выставка существует два года, Стеша пропала три года назад... Получается, кто-то держал ее в плену достаточно долго, изнасиловал, заставил ее родить ребенка, а потом убил! Это типично мужское поведение!

– Типично, – не сдержался Ян. – Сам так постоянно делаю,

очень удобно.

– Вы находите это смешным?!

– Я нахожу это бредовым. Насколько мне известно, организаторы выставки настаивают на том, что живот был произведен искусственно, из тканей другого донора.

– Они врут! Они врут обо всем... У Арсении никого не было, потому что она всегда к мужчинам относилась снисходительно, она понимала, что умнее их – и они понимали, их это бесило!

– Она вам такое сказала?

– Я не могла не знать! И она была чайлдфри. С учетом этого, разве можно придумать более страшную месть, чем то, что с ней случилось?

– Хорошо, я не буду с этим спорить, – сдался Ян. – Кого именно вы подозреваете?

– Да кого угодно! Стеша меня всегда берегла, я знаю только часть ее работы... Это мог быть кто-то из тех, кого она разоблачила, их родственников – или родственников женщин, которых она разоблачила! Какая разница, если это было сделано? Я боюсь, что этот человек придет за мной... Мне нужна защита полиции!

– Вам хоть раз угрожали? Вы замечали слезку за собой?

– Как я могу что-то заметить, если я не выхожу из квартиры? – возмутилась Настя. – Но это же невозможно... невозможно так жить!

– Так попробуйте выйти.

– Я не хочу, чтобы меня превратили в статую!

– Не думаю, что это такой уж вероятный вариант.

Ян услышал все, что нужно. Ему еще предстояло изучить материалы, которые соберет Кирилл, однако уже сейчас было ясно: доверять Насте не стоит. Она была травмирована, она потеряла сестру, от которой зависела психологически... Понятно, почему ей всюду маньяки и заговоры мерещатся. Ян же серьезно сомневался, что кто-то действительно устроил Арсению насильную беременность. Скорее всего, несчастной девушке просто не повезло – не в том месте, не в то время... Он подозревал, что Александра тоже так считает, по их разговору это чувствовалось. Так что они оба могли лишь немного помочь австралийской полиции – и не более того.

Настя не хотела его отпускать, а он не мог остаться. Из-за этого Ян задержался у нее, думал вообще сразу отправиться домой, но поймал себя на мысли, что туда ему не хочется. За стеной все равно будет тихо, а в его квартире – пусто. По сравнению с этим даже бесконечные отчеты не казались такой уж большой проблемой.

Так что он вернулся в отделение, планируя провести там еще пару часов, и почти сразу столкнулся с Костюченко. Уже это было странно: проштрафившегося сотрудника планировали отстранить хотя бы на время. То, что Костюченко бодро насвистывал что-то, играясь со смартфоном, настораживало еще больше. Он не выглядел как человек, который рисковал распрощаться с карьерой за халатность.

– Трудоголизм не дает сидеть дома даже при отстранении? – холодно поинтересовался Ян.

– Каком еще отстранении? – ухмыльнулся Костюченко. – Ко мне вопросов нет!

– Да неужели?

– Ну а что? Уже подтвердили, что я предлагал задержанному вызвать врача, он всякий раз отказывался. Да, я виноват в том, что не заметил пулевое отверстие... Но откуда мне было знать, что такое возможно? Холмогорцев сказал мне, что это Элла ударила его! С чего бы мне не верить?

– Ты сейчас серьезно?

Взгляд Яна новичок все-таки не выдержал, отвернулся, однако говорить продолжил вполне уверенно:

– Очень даже! Так и было. Есть свидетельства. Я сделал все, что от меня зависело, а небольшие ошибки... Я ведь тоже человек! Мне жаль, что этот бедолага останется покалеченным на всю жизнь. Но, если уж говорить совсем честно, виноват в этом только он сам.

Глава 4

Близкие раскаты грома, и ливень, и темнота, и даже недавние страхи – все в один миг стало неважным. Александра понимала, что промокла до нитки через секунду после того, как покинула машину. Но от этого становилось чуть легче: холод дождя и тугие удары воды по коже доказывали, что происходящее реально, что ей не чудится.

А причины усомниться в собственном рассудке у нее были: прямо перед ней стоял Андрей. Которого здесь никак быть не могло. А он словно не понимал этого и исчезать не собирался, он оставался перед ней, такой же вымокший под ночным ливнем, как она, неизменно спокойный, будто и не понимающий нереальности произошедшего.

Умнее всех себя сейчас вел Гайя, который наблюдал за ними из теплого и сухого салона автомобиля, явно размышляя о том, почему люди делают таким сложным то, что должно быть просто.

– Ты как сюда попал? – наконец сумела произнести Александра.

На стоящего перед ней мужчину она смотрела, не моргая, хотя дождь заливал глаза. Как будто Андрей мог исчезнуть так же легко, как появился. Правильнее всего, может, было бы коснуться его, чтобы убедиться в его присутствии, а у нее почему-то не получалось.

– Получил визу, купил билет на самолет, забронировал отель, – обыденно пояснил Андрей. – Узнал, где остановилась ты – твой брат способствовал.

– Но я же не там...

– Уже очевидно. Я прикинул, где ты можешь быть, поехал по твоему домашнему адресу, ну а найти тебя в единственной машине на всю улицу не так уж сложно. Так что «как» в этой ситуации не настолько сложно, как почему-то вообразили вы с Яном. Ты главное не спрашивай меня, зачем, потому что этого я и сам не понимаю. Ни одной причины вроде как нет.

Конечно, причин нет... Андрей все еще злился за нее – и за их последний разговор, который прошел не слишком хорошо, и за неожиданный вылет без обратного билета. Кому-то другому он показался бы равнодушным, но Александра слишком хорошо знала его. Предел есть даже у его терпения...

И ведь он имел право злиться! Она признавала это, потому и не сомневалась: если она все-таки вернется в Россию, ей придется долго извиняться, чтобы все было как прежде. Ну а увидеть Андрея здесь она точно не ожидала.

Зато, когда это случилось, Александра вдруг поняла: все правильно. То, что он стоял перед ней здесь и сейчас... это и был тот самый знак, которого она так давно ждала. Будто все минувшие дни ее сомнения заставляли чаши весов оставаться в равновесии, а теперь появился аргумент, который

намного важнее остальных, и баланс оказался нарушен. Одно решение с легкостью перевесило другое, а когда оно было принято, все остальное показалось ясным и понятным, как ровная, стелющаяся до самого горизонта дорога.

Однако объяснять это, тщательно подыскивая слова, не хотелось – слишком долго, трудно, и процесс портит результат. Поэтому Александра, словно избавившись от морока, подалась вперед, сокращая и без того незначительное расстояние между ними, прижалась, почувствовала живое тепло на губах – даже через холод дождя. Андрей, не ожидавший такого порыва, сначала чуть равновесие не потерял, но сориентировался быстро, ответил на поцелуй, и Александра почувствовала, как он расслабляется. Тоже, видно, больше разговоров не желал...

Отстраняться не хотелось, но пришлось – когда перестало хватать воздуха.

– Ты хоть представляешь, насколько сильно я тебя люблю? – обреченно поинтересовалась Александра.

– О, отлично, одна причина лететь в эту даль появилась, – усмехнулся Андрей. – Одной и хватит. А теперь давай я уведу тебя из-под дождя, твой отель ближе...

– Зачем нам отель? У меня есть ключи от дома.

Андрей окинул ее внимательным взглядом:

– Ты уверена?

– Абсолютно.

Она и правда была уверена. Принятое решение все меня-

ло, давало свободу, которой Александре давно не хватало. Когда она приехала на эту улицу, коттедж представлял грозным стражем прошлого, перед которым она все-таки виновата. А теперь это был просто дом, в котором можно укрыться от дождя вместе с близким человеком.

Вины перед Эриком больше не было. Александра не сомневалась: он бы понял. Он бы хотел этого...

Она жестом велела Гайе выбираться из машины. Пес покосился на нее с нескрываемой укоризной, словно намекая: не мешало бы кое-кому сначала дождь выключить, а потом уже приличных животных беспокоить. Но из автомобиля динго все-таки вылез, и все трое поспешили к дому через густую зелень сада.

Александра больше не искала призраков прошлого. Она вспоминала, как включается электричество, где сложена теплая одежда, есть ли в доме новые полотенца. Ее мысли были заняты лишь этим, когда она наконец укрылась от дождя на крыльце и вставила ключ в замочную скважину.

Ключ не повернулся.

Это заставило Александру вернуться в настоящий момент. Она еще не поняла толком, что произошло и почему, а инстинкты уже насторожились – совсем по-звериному, предупреждая о беде, которой вроде как не могло быть. Она больше не пыталась справиться с замком, она напряженно разглядывала дверь.

– Что-то не так? – спросил Андрей, явно заметивший пе-

ремену в своей спутнице.

Александра коротко кивнула, не глядя на него. Она уже видела, что не ошиблась. Замок был поцарапан: вскрывали умело, но без лишней осторожности. Кто бы ни проник в дом, он не собирался делать это тайной. Замок не был сломан, его просто не заперли.

Александра перевела взгляд на Гайю, пытаюсь понять, как на все реагирует пес, чует ли посторонних. Динго напрягся, но, похоже, из-за реакции хозяйки. На дверь он смотрел спокойно... Это пока не было причиной расслабиться. Ливень шел уже давно, он мог смыть запахи, заглушить звуки, сбить динго с толку. Поэтому Александра достала из-за пояса пистолет, порадовавшись, что в Австралии носить с собой оружие гораздо проще, чем в России.

Она протянула Андрею телефон с уже открытым контактом своего начальника.

– Вот сюда на английском введи адрес, ты его знаешь, и слова «Взлом, срочно», – велела Александра.

Андрей не ответил, да и спрашивать он больше ни о чем не собирался. Он взял у нее телефон и сделал то, что нужно. В такие моменты Александре казалось, что и он вырос в семье полицейских, где знают, когда эмоции лучше приглушить и просто действовать. А может, детство в семье преступника тоже учит подобному?

Ей хотелось заставить Андрея вернуться в машину и ждать там, а она не стала. Во-первых, он, скорее всего, от-

казался бы оставить ее одну, его смирение далеко не безгранично. Во-вторых, здесь есть пистолет и есть Гайя, это куда лучшая защита, чем легко бьющиеся стекла машины. Поэтому Александра только сказала:

– Держись за мной и ничего не говори, если нет угрозы.

Ей не нужно было подтверждение, она не сомневалась, что Андрей все выполнит. Может, и следовало ждать полицию здесь, а она не могла. Александра знала, что в ее отсутствие за домом Эрика следили. Неделю назад тут точно был один из его коллег. Значит, вломились недавно... Может, этой ночью? Может, грабители еще внутри? Она готова была задержать их – хотела этого! Да и потом, даже если преступники уже убралась, Александре все равно важно было первой попасть в коттедж – до того, как приедет полиция и все затопчет.

Как она и предполагала, преступники не собирались скрывать то, что сделали. В темноте пустого дома царил хаос: все дверцы были распахнуты, все полки – выдвинуты, и на полу застыл белый ковер из разбросанных бумаг. Александра пока не обращала на это внимания, не думала о том, что удастся восстановить, а что разрушено навсегда. Она прислушивалась, то и дело поглядывая на Гайю.

Пес не отходил от нее ни на шаг, а вот убежать вперед не собирался. Похоже, он никого не почуял, он просто охранял своих людей от всего, что может попасться на их пути. Да и Александра не замечала ни намека на постороннее присут-

ствие.

Втроем они осмотрели весь коттедж – и везде находили лишь разруху. Как будто ураган пронесся – но только внутри, не тронув ни сад, ни соседние дома. От этого должно было стать больно, а почему-то становилось легче. Сама Александра вряд ли решилась бы так бесцеремонно перечеркнуть свое прошлое, даже если оно потеряло над ней власть. Но кто-то все сделал за нее, и теперь этот выпотрошенный дом мало чем напоминал место, где она когда-то была счастлива с другим человеком.

Лишь убедившись, что они в коттедже одни, Александра включила свет. Дождь снаружи затихал, гроза, глухо порыкивая, перебиралась куда-то к австралийским пустошам. Вдалеке уже слышался звук полицейских сирен.

– Есть смысл спрашивать, что это было? – спросил Андрей.

– Слушай, нервы у тебя все-таки крепкие...

– У меня их слишком много скопилось за время твоего отсутствия, теперь будут сжигаться в привычном режиме.

– Ну, я такого режима точно не ожидала, – вздохнула Александра. – Дом стоял пустым несколько лет – и ничего! А тут чуть ли не вчера ограбили.

– С чего ты взяла, что вчера?

– Посмотри на пыль. Ее в Австралии чуть больше, чем дофига, и обычно это бесит, а сейчас полезно.

Знакомые Александры присматривали за домом, но никто

не собирался тут убирать. Чтобы слой пыли за время отсутствия хозяйки не поднялся до крыши, в коттедж периодически заглядывала уборщица – однако происходило это не чаще, чем раз в полгода.

Теперь пыль, оставшаяся в углах, давала неплохую картину того, кто тут был и когда. На сдвинутой мебели и перевернутых предметах пыль вообще осесть не успела. В нынешний сезон это означало, что обыск провели не больше суток назад.

Именно обыск, Александра не сомневалась в этом. Понятно, что под конец все обставили как ограбление. Она уже знала, что исчез телевизор, наверняка еще какой-нибудь техники не окажется на своих местах... Но все это так, для отвода глаз.

По-настоящему ценных вещей в доме не хранилось, перед отъездом Александра арендовала для них банковскую ячейку. Компьютеры она тоже вывезла, их разместили в участке. Ну а та техника, которую в итоге утащили, стоила не так уж много. Закон рынка: любые приборы быстро обновляются, а значит, старые версии стремительно теряют цену. Опытные домушники знают об этом, они тщательно собирают информацию о том, куда планируют вломиться. А неопытные не вскрыли бы замок так ловко, тут они, конечно, промахнулись. У них еще был шанс сойти за каких-нибудь наркоманов, которые тащат что угодно, но для такого следовало вскрыть дверь ломом или разбить окно.

Андрей думал о том же – и это приятно поражало.

– Что они могли искать у тебя? И кто – они? – спросил он.

– Не знаю и не знаю. Второе прям вообще не знаю. Над первым пытаюсь думать, но... Как-то без вариантов.

Александра уезжала в Россию не в спешке. Она закрыла все дела, которые вела до этого, да и дома мало что хранила. Все, чем она занималась, за прошедшие годы потеряло важность. Нового же она сюда не приносила – и не могла принести, она сама впервые вошла в этот дом.

Когда прибыла полиция, Александре пришлось отвлечься, давать объяснения, представлять коллегам Андрея. Ее успокаивали и обещали поддержку, но она уже видела, что никто не будет расследовать это дело всерьез. Страховка покроет ущерб с лихвой, ничего серьезного не пропало... К чему беспокоиться?

А не беспокоиться не получалось. Когда допрос был окончен, Александра вернулась к Андрею, дожидавшемуся ее вместе с Гайей в гостиной.

– Очень внимательно обыскивали, – сообщил он. – При чем во всех комнатах.

– Что-то мелкое искали, раз даже книги переворошили, – поморщилась Александра. Мысль о том, что не так давно в ее вещах рылись посторонние, отзывалась в душе бессмысленной злостью. – И не нашли, раз свалили только после того, как обыскали вообще все, включая канализацию. Да и не могли найти!

– Ты уверена?

– Ну да... С такой тщательностью обычно ищут какой-нибудь маленький листок бумаги. А у меня из ценных листков бумаги только деньги! Хотя...

Сама она ничем толковым не занималась, все ее визиты на работу были связаны в основном с оправданием ее долгого отсутствия. Но кто сказал, что преступники искали нечто связанное с *ее* работой? Даже за то недолгое время, что она провела в Австралии, Александра успела узнать об одном очень непростом деле...

И от этого становилось хуже. Потому что, если с консультанткой, один раз посмотревшей на парочку фотографий, не стали церемониться, что же могли сделать с тем, кто в это дело погрузился с головой?

Гадать Александра не собиралась, она поспешила найти среди контактов нужный номер. Поползли длинные гудки – и это даже вдохновляло: получается, телефон не отключен, не разбит, Эйден ответит в любой момент и посмеется над ее страхами...

Не сложилось. Гудки затянулись, потом сменились переключением на голосовую почту. Александра попробовала снова, но с тем же результатом. Эйден не отвечал.

В памяти всплыло все и сразу. Странности в истории Арсени Курцевой, на которые указывал Эйден. Судьба, постигшая предыдущего следователя, который попытался выяснить, что случилось с пропавшей девушкой. Жуткая ста-

туя без кожи...

Не обращая внимания на экспертов, Александра направилась к детективу, присланному с ними.

– Нам необходимо немедленно отправиться к дому Эйдена Маграта, – сказала она. Спокойно сказала, потому что решение было странным и при лишней эмоциях оно было бы принято за истерику.

– Что? Зачем? – растерялся детектив. – Он здесь вообще при чем?

– При том, что только он рассказывал мне о важном расследовании с тех пор, как я вернулась. И теперь он не снимает трубку.

– Так это же Эйден! С каких пор он трезвый после девяти вечера? Да и потом, насколько я знаю, никаких серьезных расследований он не ведет...

– Ведет по собственной инициативе. Я поеду к нему в любом случае, но будет лучше, если кто-то из полиции отправится со мной.

Им нужно было спешить: возможно, на Эйдена напали прямо сейчас, ему нужна помощь... О том, что все, скорее всего, закончилось еще до того, как неизвестные вломились в ее дом, Александра предпочитала не думать.

Чувствовалось, что полицейский ей не верит и не хочет подыгрывать. Но он прекрасно помнил, в каких она отношениях с руководством, и не решился игнорировать просьбу. В итоге следом за машиной Александры направился автомо-

биль с патрульными.

Она пыталась дозвониться еще несколько раз – за время пути. Поставила смартфон на автодозвон и все. Она понимала, что это глупо, да и Андрей тоже понимал. Но он не пытался ее остановить и за всю дорогу не сказал ей ни слова.

Эйден жил на окраине города, в старом двухэтажном доме, доставшемся ему от родителей. Александра бывала здесь пару раз, давно, еще вместе с Эриком, но на память она не жаловалась и нужное здание нашла без труда.

Ничего необычного и уж тем более пугающего в доме не было. Калитка оказалась аккуратно закрыта на крючок, свет в окнах не горел. Хотя уже это было подозрительно – Эйден не относился к тем, кто смиренно отправляется в постель в десять вечера.

– Его дома нет, – предположил один из патрульных. – Если мы хотим видеть Эйдена, придется объехать все бордели города, да еще парочку шлюх, принимающих на дому!

– Мы никуда не поедem, – холодно указала Александра, рассматривая темные окна. – Нам нужно попасть внутрь.

– Так нельзя же... Это частная собственность, оснований для взлома нет!

– Давайте для начала попробуем цивилизованный подход.

Она снова набрала номер Эйдена, прислушалась. Мелодии из-за двери она не слышала, но Александра и не надеялась на это по-настоящему, слишком велик был дом. Набранный номер просто стал поводом сказать:

– Его телефон точно внутри, и я не думаю, что Эйден пошел бы куда-то без него.

– Я ничего не слышу, – нахмурился патрульный.

– Значит, у меня лучше слух. Уходить отсюда просто так я не собираюсь, всю ответственность беру на себя.

Александра постучала громко и уверенно, хотя в глубине души уже крепло подозрение: это лишь формальность. Она даже не спугнет того, кто был с Эйденем, все давно закончилось...

Она не стала ждать, просто выстрелила в замок, немало шокировав при этом патрульных. Александра знала, что они ее не тронут, и этого было достаточно. Может, они и возмущались из-за ее поведения, но они не были уверены в том, что делать дальше, а она была, и это на многое влияло.

Александра двинулась в дом первой. Патрульные последовали за ней, она их слышала, но не оборачивалась, она напряженно вглядывалась в пустоту, надеясь непонятно на что...

Зря, конечно. Тело Эйдена не пришлось долго искать – его оставили на виду. Даже света далеких фонарей, кое-как пробиравшегося в дом через окна, хватало, чтобы разглядеть массивный силуэт, будто паривший в пространстве... Веревка, тянувшаяся от шеи покойника к перилам на втором этаже, просматривалась не так хорошо, но и ее можно было разглядеть. На полу валялся обрывок бумаги, исписанный знакомым почерком.

Александра слышала, как один из патрульных бросился

звонить в службу спасения, а второй побежал на второй этаж, чтобы перерезать веревку. Неужели они до сих пор сомневались, что он мертв, надеялись его спасти? Это же нелепо, на давнюю смерть указывало все: посеревшее лицо, полувыкатившиеся глаза, покрытые мутной пленкой, засохшая кровь возле частично откушенного языка. Смерть от повешения не бывает простой, Эйден не мог не знать этого... и сотворить с собой такое тоже не мог.

Патрульные уже тихо обсуждали между собой самоубийство. Александра не собиралась ни спорить с ними, ни даже прислушиваться к их доводам, она наклонилась над запиской и быстро сделала фотографию. Читать сейчас не было ни времени, ни сил. От шока голова шла кругом, но Александра не позволила себе поддаться боли.

Да, Эйден мертв. Человек, которого она искренне называла другом, который был одной из последних нитей между ней и Эриком, погиб так глупо, так несправедливо... Он заслуживает слез, и она будет плакать о нем, но потом.

Сейчас нужно было действовать. Эрик не раз повторял, что место преступления быстро исчезает – и остается просто место, вычищенное, обновленное. Самоубийство Эйде-на инсценировали очень хорошо. Возможно, полноценного расследования не будет, если все поверят в этот бред... Вроде как не должны – но все же! Поэтому Александре требовалось увидеть и запомнить как можно больше.

До приезда медиков и полиции она обошла весь дом, за-

глянула во все комнаты. Патрульные не мешали ей, только смотрели хмуро и недоверчиво. К своему стыду, Александра понятия не имела, где находился в это время Андрей. Но он ее не упрекал, он понимал, чем и почему она занята. Он снова возник рядом с ней, когда приехала полиция.

Как и следовало ожидать, Александру задержали и доставили на допрос в участок. Она не пыталась возмущаться, знала, что так будет. Она первой забеспокоилась об Эйдене – хотя для этого вроде как не было оснований. Она вела себя нервно. Она виделась с ним незадолго до его смерти. Вдруг это она его убила? И не важно, что мотива нет. Может, она из этой своей России вернулась уже безумной!

Так что Александра не отказывалась, ей даже хотелось поехать. В таких ситуациях куда проще объяснить все сразу, чем бегать от властей. Да и потом, ей важно было как можно скорее выяснить, что известно полиции, что вообще будет дальше.

Она без сомнений рассказала все, что знала – от неожиданного звонка Эйдена до его просьбы разузнать, чем занималась Арсения Курцева в России. Во время разговора чувство вины вспыхивало снова и снова, гасить его становилось все сложнее. Александра только сейчас в полной мере увидела, насколько очевидной была угроза с самого начала. И если бы она что-нибудь сделала, Эйден, может, остался бы жив... Вот только что она могла? Велеть ему быть осторожным? Это же Эйден, он такие просьбы считал лучшей шут-

кой!

Он не был беспомощен. Тогда, во время их разговора, Александра ни на миг не заподозрила, что он может погибнуть. Он был силен, хорошо вооружен, опытен... и он отнесся к этому делу с большим вниманием. Куда большим, чем Александра, он не верил, что следователь, разыскивавший Арсению первым, погиб случайно. Так почему же Эйден теперь мертв?

К утру устали все – и следователи, и Александра. Но задерживать ее и дальше не стали, уже это было достижением.

– И что теперь? – спросила она у детектива, которому поручили это дело. – Следующий шаг какой?

– Связаться с родными и организовать похороны, – мрачно отозвался тот.

– Отличный план. А там можно куда-нибудь добавить пункт насчет поиска убийцы?

– Некого искать – умер же убийца... Тут однозначный суицид.

Именно этого Александра боялась больше всего – даже больше попытки обвинить во всем ее. Если бы обвинили ее, дело в любом случае классифицировали бы как убийство и начали расследовать! А теперь... Все шло по тому сценарию, который придумал человек, избавившийся от Эйдена.

Ничто не могло доказать полиции, что он был убит. Рядом с телом нашли записку, написанную его почерком. В ней Эйден признавался, что так и не смог пережить развод с женой.

Он пытался глушить боль работой и алкоголем, но ничто ему по-настоящему не помогло, и вот он решился на последний шаг. В своей смерти он просил не винить никого – включая Клио, которую якобы любил до последнего вздоха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.